

Елизавета
Дворецкая

СОЛНЦЕ ВЕЛЕСА

КОЛОДОВСКАЯ
РУСЬ

Annotation

За будущее наследство угренского князя Вершислава борются двое его старших сыновей: Лютомер, сын княгини, и Хвалис, сын красивой черноглазой пленницы, до сих пор любимой князем сильнее прочих жен. За спиной Лютомера, оборотня и волхва, силы Нави и «лесное братство», и Хвалис отчаянно ищет поддержку – у себя дома и у князей племени вятичей. Но ценнее всех – его тайный союзник, которого никто не принимает всерьез. Когда Лютомер и его сестра Лютава поймут, какая опасная чародейка скрывается под видом простой челядинки Галицы, будет поздно. Им придется вести нелегкую борьбу за свою жизнь и права – у себя дома, в чужой земле, а еще в таинственных глубинах мира Нави.

Елизавета Дворецкая

Солнце Велеса

© Дворецкая Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

*Вершиславов век, месяц кресень,
среднее течение Угры*

Тонкий серпик новорожденного месяца повис над Волчьим островом, знаменуя начало месяца кресеня. Стая еще не спала. Посреди большой поляны горел костер, отблески пламени падали на зачарованные лица отроков – сидящих на бревнах, полулежащих на земле. Дрожащие отсветы перебегали по лицам, заросшим юношеским пушком, по накидкам из волчьих шкур, и порой казалось, что это оборотни, предстающие то в зверином, то в человеческом облике.

Где было всего светлее, сидела единственная среди трех десятков парней девушка. Она тоже была закутана в волчью накидку и напевно рассказывала, глядя в синее ночное небо:

– ...Сковал Сварог-Отец двенадцать царств, двенадцать престолов, и отдал их сыну своему любимому, Дажьбогу, во владение. Стал Дажьбог жить-поживать в тереме своем золотом, а в том тереме три окошечка: в одном оконце – светло солнышко, в другом оконце – светел месяц, а в третьем – ясны звездочки. Подобрал Сварог искорки, что из горна его летели, и сделал из них двенадцать дев, чтобы служили сыну его Дажьбогу, золотые кудри ему чесали, по утрам умываться подавали, вечером коня его золотого принимали и в стойло ставили. И была среди них краше всех одна – Заря-Зареница, солнцева сестрица. Поутру выводила она коня золотого, подавала брату своему Дажьбогу; вставал он в стремя и в путь свой дневной отправлялся. А Заря-Зареница в тереме прибирает, перину пуховую взбивает, братца дорогого поджидает. А как окончит Дажьбог свой путь дневной, принимает у него коня Заря-Зареница, отдает сестрам. И когда встречает Дажьбог сестру свою Зарю, пожимает он ей руки белые, целует в уста медовые, и оттого румянец ее по всему небокраю разливается. Ведет она Дажьбога в терем золотой, кладет на постель пуховую, поет ему песни колыбельные...

Лютомер сидел на земле, привалившись плечом к коленям сестры и положив на них голову. Не прерывая речи, Лютава поглаживала его по длинным русым волосам, перебирала густые пряди, падавшие на мех волчьей накидки. С продолговатым лицом без румянца, с глубоко посаженными серыми глазами, он был ничуть не похож на златокудрого Дажьбога, но Лютава, увлеченная собственным повествованием, невольно видела своего брата, идущим по небокраю, среди алого сияния заката, с белым конем в поводу. И себя – выходящей ему навстречу, соскучившейся за длинный день разлуки.

– Наступало то время, когда Заре-Заренице особенно долго приходится скучать: в месяц кресень самые долгие дни. А придет Купала – Дажьбог едва успеет присесть передохнуть, как вновь выходить ему из терема, вступать в золотое стремя.

Вот сидела однажды Заря-Зареница, солнцева сестрица, у реки студеной, на престоле золотом, пряла нитку шелковую, мотала на веретенце серебряное. Увидал ее Велес – Тур Золотые Рога: сидит девица, руки по колено в золоте, ноги по колено в золоте, а коса-красота вся цветами увита. Прислал он к ней сватов – синцов да игрецов. Отвечает она им: ой вы, сватушки, вы спросили бы меня, чьего я роду, чьего племени? А я-то роду ни большого, ни малого: мне братец – Красно Солнышко, мои сестры – ясны зореньки, мои братья – буйны ветрушки. Вынула она тут три золотых яблока да подбросила: кто поймает, говорит, тому я сама достанусь. Кинулись сваты ловить яблоки, да как ударили с неба три молнии, разбили

свагов в прах...

Ночное небо было чистым, из глубин синевы глядели звезды – будто тоже слушали. Светила небесные были давними друзьями Лютавы. Их с Лютомером мать, княгиня Велезора, выросла на Числомерь-горе и с юности обучалась искусству следить ход Луны и звезд. Из поколения в поколение ее предки хранили и передавали тайны небесных странников – Косарей, Волосынь, Воза, Волчьей звезды, – умели определять наступление времен года, праздников, делать предсказания, читать на синем полотне волю сестриц-Рожаниц. И туда же они отправлялись, пройдя до конца свой путь по земле. Глядя на звезды, Лютава каждый раз невольно вспоминала их: свою бабушку по матери – Мироладу, старшую жрицу святилища Числомерь-гора. Та умерла, когда Лютаве было два года, и она видела бабушку всего один раз. Вадимиру – ее мать, княгиню жиздрян, которую Лютава знала только по рассказам своей матери. Потом мать Вадимиры – Вратиславу...

– Пришли к Заре-Заренице ее сестры, красны девушки, стали круги водить, песни петь, игры играть. Вдруг видят: несется к ним сам Тур Золотые Рога. Испугались они, бежать пустились. Бежали они, бежали, одиннадцать царств небесных пробежали. Закричали: батюшка наш, Свароже, помоги, спаси нас! Пожалел их Сварог, сбросил с неба радугу-дугу. Побежали зареницы по радуге, забежали на двенадцатое небо. А как спуститься, и не знают. Там и водят они теперь коло, поют песни тихие:

В одном оконце ясно солнышко,
В другом оконце – светел месяц,
В третьем оконце – ясны звездочки.

В зимнюю пору года Лютава любила смотреть на Велесозори – будто надеялась разглядеть и свою мать в том сияющем коло. Но уже миновало время, когда они видны: в летнюю половину года, когда над земным миром властвуют светлые боги, Велес загоняет своих овечек на подземные луга.

– Зовут их ныне Велесозори – Зори Велесовы. Другое им имя – Семизвездочки, потому что там семь вил-звезд. А другие толкуют, будто имя им Велесояри – овечки Велесовы, и что сам Велес, Пастух Небесный, всякую ночь их пасет, а под утро в подземье загоняет.

У Лютавы был красивый голос: сильный, звучный, выразительный. Рассказывая, она будто расстилала перед слушателями шелковые полотна – темно-синие, золотисто-желтые, ягодно-красные. Ее голос то плыл тихо, как глубинное течение у дна реки, то возносился птицей в голубизну Занебесья, открывая ворота в любой из неведомых миров.

Вдруг Лютомер поднял голову. Ноздри его дрогнули, лицо изменилось, и Лютава отдернула руку: он уловил некий зов... тревожное движение в Нави.

– Что такое? – шепнула она.

Лютомер вскочил во весь свой рост и поднял голову к небу, прислушиваясь. Побратимы-бойники следили за ним, едва дыша. Он стоял с закрытыми глазами, звездный свет падал на его лицо, и теперь он был вылитый Небесный Пастух: в этом свете его русые волосы казались седыми, одного цвета с мехом волчьей накидки. Рослый, широкоплечий, он напоминал стрелу на тетиве: миг – и сорвется в погоню.

Но нет: он опустил голову, расслабился, открыл глаза.

– Что-то засиделись мы, – сказал он, и бойники зашевелились, стали подниматься. –

Расходись.

Лютава встала. Лютомер взял ее за руку – она жила на другой стороне Волчьего острова, и он должен был проводить ее. Огибавшая Остров тропка была им так хорошо знакома, что они легко находили ее и в полной темноте. Лунный свет серебрил их волчьи накидки; неслышно шагая во тьме, оба высокие, худощавые, они были как ночное отражение тех брата и сестры из сказания, Дажьбога и Зари-Зареницы – полночные светила Велесова подземного неба.

* * *

Не только бойники с Волчьего острова засиделись в этот вечер. Приближался Ярила Сильный – второй срок чествования молодого весеннего бога, открывающий долгие гулянья – до самой Купалы. Но своих лесных побратимов Лютомер – Белый Князь Волков и вожак «волчьего братства» – впервые выпустит на гулянья только после того, как белый конь пройдет по полям, а пока что девушки Ратиславля и округи гуляли одни. Водили коло на Ярилиной плещи на высоком берегу Угры, пели про деву, которая просила молодого перевозчика переправить ее через реку:

А я тебя перевезу —
Замуж за себя возьму...

Дрозду, шестнадцатилетнему отроку из княжьей челяди, взять жену не светило. А будучи не особо-то хорош собой – с широким носом на продолговатом лице с впалыми щеками и выпуклыми скулами, – он и на гуляньях не надеялся на удачу. На холопов, да еще и собой непригляных, ни девки, ни молодухи не смотрят. Сидя в тени ветвей на опушки рощи, он лишь смотрел, как ходят в кругу стройные девичьи фигуры в белых сорочках и вздевалках с красными поясками, как колышутся длинные косы, вздымаются и опускаются руки.

Вдруг кто-то опустил рядом с ним на траву.

– Что невесел, головушку повесил? – насмешливо спросил женский голос.

Дрозд обернулся. Рядом устроилась Галица – молодая челядинка, жившая с ним на одном дворе. Одета она была в поневу, когда-то синюю, но вылинявшую почти до серого, поверх сорочки из небеленого льна, голову покрывал платок, повязанный «кукушкой», как носят вдовы. С вдовой срядой не слишком вязалось задорно-вызывающее выражение лица, но грустной Галицу никто никогда не видел.

– Чего грустишь, теряешься? – Галица подмигнула и шутливо подтолкнула Дрозда в плечо. – Пока волки из лесу не вышли, все белые лебедушки, резвые овечки – твои.

– Да ну тебя. – Дрозд уныло отвернулся. – Взглянут они на меня, как же...

– А чего же нет? Хочешь, я на тебя взгляну?

Дрозд ответил ей недоверчивым взглядом, но в ее глазах играла насмешка, призыв, обещание... Года на три его старше, Галица была совсем недурна собой. Дородством не отличалась – не с чего было тела нагулять, – но и теперь, пару лет прожив замужем и овдовев, сохранила девичий гибкий стан и высокую грудь: многие мужики оглядывались, когда она проходила мимо. Большие, изжелта-серые, как у собаки, глаза весело блестели,

немного вздернутый нос придавал ей лукавый вид. Лишь улыбку широкого рта немного портил выступающий верхний клык с правой стороны, особенно белый и выдвинутый вперед из ряда. Из-за этого клыка ее бранили в Ратиславле упырицей, но она никогда не обижалась, а только улыбалась всякому. Однако, несмотря на это показное дружелюбие и всегдашнюю готовность поболтать и выслушать, в Ратиславле ее не любили: женщины сторонились, да и мужчины, заглядевшись было, потом отворачивались и сплевывали на всякий случай.

Непонятно было, отчего ее не привечают: ведь не чужая, родилась и выросла здесь, в Ратиславле, на княжьем дворе. Может, оттого, что Галица, как прежде ее мать, была особенно дружна со своей хозяйкой, хвалиской Замилей – младшей женой князя Вершины, а Замилю и двадцать лет спустя считали чужачкой и недолюбливали. Бабы болтали, что Галица «несчастливая», даже избегали что-то брать у нее из рук, боясь заразиться несчастьем – хотя тоже с чего бы? На всякую работу была Галица ловка, проворна... а что овдовела, трех лет замужем не прожив, так это со всякими бабами случается.

– Мне тоже выжидать нечего: на Ярилины дни парни молодые за девками бегают, на вдовушку не глянут, а молодцы и глянули бы – да жены глаза повыдерут! – засмеялась Галица, подталкивая Дрозда плечом, будто пытаюсь разбудить. – Ну да мы их ждать не будем – свое коло заведем. Что? Или я нехороша тебе?

Она откинулась назад, опираясь о подставленную руку, так что ее высокая грудь выпятилась под сероватым небеленым льном сорочки. У Дрозда потемнело в глазах, стало жарко, несмотря на прохладу весеннего вечера.

А Галица вдруг подалась к нему, обвила руками шею и жарко поцеловала онемевшего от изумления парня.

– Пойдем! – Она встала и потянула его за собой. – Отойдем, чтоб не увидал никто, а то Замиля раскритится. Я хорошее место знаю – там покойно...

И Дрозд, не чуя земли под ногами и не веря в такое счастье, пошел за ней в гущу темнеющей рощи.

Идти пришлось порядком: уже не раз попадались укромные полянки, да и кто бы стал искать их тут, вдали от жилья, на самом пороге ночи? Галица порой останавливалась, снова обнимала парня, прижимаясь к нему молодым стройным телом, награждала поцелуями, а потом, смеясь, тащила за собой. Оборачивалась и подмигивала, будто собиралась открыть великую тайну, никому, кроме нее, неведомую.

У Дрозда кругом шла голова. Они жили на одном дворе – в клети Замилиной избы, – и делили работу по хозяйству, но по-настоящему он Галицы не знал. Она вышла замуж, когда он едва дорос до отрока, и перебралась из Ратиславля на Просимово займище. А вернулась минувшей осенью, перед Марениными днями. За зиму она лишь мимолетно улыбалась ему, порой бросала несколько слов. Но то, что она готова взглянуть на него как на мужчину, для Дрозда было новостью.

Было уже темно, и он почти не видел, куда идет, когда Галица наконец остановилась. Сбросила с головы вдовой платок и повой, сорвала оплетки – и длинные светлые волосы, будто лунный свет, упали и окутали ее до пояса. У Дрозда перехватило дух – бабы никогда волос не показывают, а она их, выходит, и не обрезала, как овдовела. Потом она развязала пояс, сбросила поневу, затем сорочку. Смеясь, обняла онемевшего парня и потянула на мох. Рядом влажно блестела вода в яме размером с быка...

Обессиленный, Дрозд лежал на траве, стараясь отдышаться. Руки Галицы ласково скользили по его волосам, лицу, плечам. Вот ее пальцы целиком погрузились в пряди надо

лбом и сильно ждали... Пока левая ее рука ласкала полного истомы парня, правая скользнула под корягу возле его головы...

Дрозд даже не успел открыть глаза. А если бы успел, то едва ли разглядел бы в темноте, как в руке Галицы оказался длинный, чуть изогнутый нож с костяной рукоятью. Поднимая ресницы, он едва различил быстрый тусклый проблеск перед лицом. А потом остро отточенное лезвие скользнуло по его горлу, и мощная струя горячей крови рванулась из перерезанной гривной жилы, заливая руки и грудь женщины...

Галица встала на колени и с силой оттянула голову Дрозда назад, побуждая кровь литься сильнее. Вытянула руки над широкой черной лужей, едва блестящей под светом лунного серпа. Дух ее выскочил через «навье окно» и взмыл над поляной невидимой темной птицей.

– Идите ко мне... – позвала она, и голос ее понесся по темным тропам Нави, будто волна от упавшего в воду камня. – Идите ко мне, духи Ильганова рода! Все мои деды, и братья их, и двоюродные братья, и бабки, и сестры бабок! Вам я отдаю эту горячую кровь! Пейте ее, насыщайтесь! Становитесь сильнее! И придите на зов мой, когда я вас позову, чтобы сотворили мы нашу месть! Я, Наруте, дочь Даугали, дочери Кинтауты и Наруни – я отдаю вам этого кривеса и обещаю отдать еще не одного! Я отдам вам всех – всех потомков Братомера, сына Ратислава, что погубил вас! Я заставлю брата убивать братьев, сестру задушить детей сестры! Я буду разжигать вражду между ними, пока они не погубят друг друга, как погубили вас, род Ильгана! Возьмите эту кровь и будьте готовы помочь мне, когда я позову.

Пока она говорила, вокруг сгущался свист и вой; казалось, множество черных птиц кружит над темной поляной и крылья их заслонили свет звезд. В ее заклинающий голос всплетались крики духов-велсов; в них слышался гнев, жадность, ликование.

– Мы здесь, мы здесь! Я, Дуагала, твоя мать! Я Кинтаут, твой дед! Я, Наруня, твоя бабка! Я, Мангирд, брат твоего деда...

– Пейте эту кровь! – Обнаженная женщина вскочила и встала над телом, простирая в черноту окровавленные руки. – Пейте, пока не остыла! И летите, напоенные силой! Летите к Ратиславу! Душите их! Ключите их очи! Пейте кровь их сердец!

Одна за одной черные птицы падали на тело Дрозда, садились на грудь, припадали к огромной кровавой ране на горле. Потом взмывали и в шуме крыльев уносились прочь...

* * *

Лютомер первым шел по тропе, а Лютава за ним, стараясь ступать точно в след – как ходят волки, из-за чего только опытный ловец может определить, один зверь тут прошел или больше. В темноте она почти не видела тропы, но за многие годы они так сжились с братом, что она чувствовала каждое его движение и ощущала следы, как будто он оставлял в них рдеющие искры. Лютава забавлялась этим, как игрой, и за те лет шестнадцать, что она ходила на своих ногах, эта игра ей не наскучила.

Вдруг Лютомер остановился, и Лютава замерла в шаге позади него. Он к чему-то прислушивался. Она тоже прислушалась: тишина. Просто тишина повисла над Волчьим островом, даже ночные птицы умолкли.

И вдруг брат потянул ее наружу. Это у них тоже получалось, как будто они двое были одно: выходя в свое «навье окно», Лютомер мог тем же порывом позвать ее за собой. И тут...

Резкий свист и вой оглушили Лютаву. Она невольно присела, закрывая голову руками; одновременно Лютомер толкнул ее с тропы и прижал к березе, прикрывая собой. Ей требовалось несколько мгновений, чтобы выйти и подготовиться, и он дал ей их.

Лес осветился; это был тот же лес, та же тропа, которую она изучила за шесть лет так хорошо, что могла хоть с каждым деревом здороваться. И по незримой тропе прямо на нее неслись черные птицы с человеческими лицами – нави. Распахнутые в крике рты их были перепачканы в крови, и дух свежей крови ударил в чуткие ноздри Лютавы, будто чужой кулак.

А впереди нее снизу вверх прынула белая молния – Князь Волков, ее брат в своем навном облике. Прямо в полете он ухватил зубами первую из птиц, перекусил, бросил под ноги и устремился к следующей.

Черная птица пала на Лютаву сверху; та извернулась и щелкнула зубами, но промахнулась и лишь вырвала два-три жестких пера. Но и птица сорвалась с полета, резко снизилась, и в новом прыжке Лютава достала ее. Стиснула челюсти, чувствуя, как хрустят кости шеи, дернула, отрывая голову, отбросила черную тушку.

Еще две птицы напали на нее одновременно; пронзительные крики оглушали, железные когти вытянутых вперед лап целились в глаза. Лютава отпрыгнула, ударила ловкой волчьей лапой и сбила противницу наземь; потом прыгнула на другую, ухватила зубами за крыло. Сильная птичья лапа ударила по морде волчицы; Лютава не ощутила боли, лишь почувствовала, как потекла по шерсти на груди ее же кровь. Бросив птицу наземь, тут же наступила на нее и перекусила пополам.

Подняла голову, ожидая нового нападения. Но было тихо. Белый волк стоял перед ней, вокруг него валялись черные тушки, похожие на комки перьев. Их было... Лютава не смогла сразу сосчитать части разодранных птиц – головы, крылья, ноги. Да и что за важность?

Белый волк подошел к ней, нежно лизнул окровавленную морду. Потом положил голову ей на спину и мягко потянул обратно...

Лютава очнулась, полулежа на земле под березой. Лютомер стоял на коленях, обнимая ее вместе с березой и прижимая к стволу. Отстранился, перевел дух. Лютава подняла руку, пошевелила пальцами. После возвращения «в себя» бывает такое ощущение, будто отсидел все тело. Кровь побежала быстрее, вернулась чувствительность. Лютава схватилась за лицо. Так и есть: в левом углу рта нижняя губа порвана, кровь сохнет на подбородке.

– Что это было? – проговорила она.

Губа болела.

– Я не понял, – признался Лютомер.

Когда Лютава слышала его низкий голос в темноте, ей мерещилось, что с ней говорит сам Велес. Но Велес не мог бы сказать «я не понял».

Они прислушались: все было спокойно. В лес вернулась обычная, живая тишина: шелест ветра, голоса птиц. Соловьи уже смолкли – значит, за полночь, – но на лядине за ручьем нежно посвистывала камышовка. Над головами распевал лесной жаворонок. Трещал козодой-полуночник. Ничего похожего на вопли навей, вызванных чьей-то злой волей.

Брат и сестра свернули с тропы к ручью: обоим хотелось пить, а Лютаве – умыться. Намочив платок, она осторожно протерла губу и вымыла подбородок. Попала ли кровь на одежду, в темноте было не видно.

До избы оставалось всего ничего. Бабка Темяна, должно быть, давно спит, охраняемая медвежьим черепом на коньке крыши.

Возле низкой двери Лютомер остановился, не выпуская руку Лютавы.

– Пойдешь? – спросила она.

Ей не хотелось, чтобы он уходил. Иногда, особенно если Темяна отправлялась к родне в Ратиславль и ночевала там, Лютомер проводил ночь в избушке Мариных жриц, чтобы не оставлять сестру одну. И тем более этого не хотелось сейчас, пока он не знал, кем и зачем были присланы нави. Но он утешал себя, что Темяна дома, а под охраной бабки – старой, опытной волхвы – и медвежьего черепа, вместилища ее не менее могучего куда-помощника, Лютава будет в безопасности. В избах стаи на поляне Логова его присутствие куда более полезно.

– Пойду, – вздохнул Лютомер. – Не хочу парней одних оставлять.

Лютава кивнула. Будучи вожаком «стаи», Лютомер отвечал за всех своих побратимов, из которых только трое старших – Хортомил, Демила и Лесога – тоже могли выходить в Навь и биться там с врагом, невидимым со стороны Яви.

Лютомер осторожно поцеловал ее, стараясь не задеть раненую губу. Лютава скользнула в низкую дверь, с легким скрипом закрыла ее за собой. Лютомер пустился назад по тропе. С каждым шагом он уходил все дальше от избушки, где его сестра неслышно, чтобы не разбудить бабушку, готовилась ко сну, но его не оставляло чувство ее близкого присутствия, будто он нес ее на груди, как перышко за пазухой.

* * *

Ранним утром, когда над вершинами берез еще висели белые полосы тумана, светловолосая девушка в бурой голядской юбке и синей наплечной накидке пробиралась по тропинке через лес. Тропинка вывела ее к ручью, за которым начинался Волчий остров или просто Остров. Стояла тишина, лишь перекликались зяблик и малиновка.

Земля кривичей когда-то осваивалась стаями «молодых волков», приходивших сюда и здесь находивших себе уголья и жен из местной голяди. Обычай «волчьих стай», в которых бывал каждый отрок от двенадцати лет и до женитьбы, здесь сохранялся до сих пор – особенно охотно ему следовали многочисленные семьи, где хватало рабочих рук. Почти каждое лето «волки» отправлялись в странствия на поиски новых угодий. В Ратиславльской волости, где обитал угренский князь, «волчье братство» обычно возглавлял сын или младший брат князя, что обеспечивало Ратиславлю и Острову взаимную поддержку. В последние семь лет это место занимал старший княжий сын, Лютомер. Под началом у него сейчас находились около четырех десятков отроков и парней, собранных с окрестных родов.

Волки, как известно, любят устраивать свои логова на болотах, выбирая сухое местечко среди топей, поэтому и обиталища «волчьего братства» полагалось устраивать в похожих местах. Но людям на болоте не жизнь – сырость, комарье, – поэтому первые угренские бойники облюбовали место между Угрой и ручьем, который с тех пор стал называться Волчьим. Кругом вода – значит, вроде как на острове, хотя настоящим островом этот участок леса не был.

Когда-то давно место обитания бойников считалось тайным и запретным для посторонних, особенно женщин. Но за многие годы тайное стало явным, к Острову протоптали заметную тропу. Едва ли нашлась в окрестностях Ратиславля хоть одна женщина, которая ни разу, хотя бы в пору детского безрассудного любопытства, не подкрадывалась бы

сюда вместе с сестрами, чтобы «хоть одним глазком» взглянуть на урочище, куда с такими таинственными предосторожностями уходят их двенадцатилетние братья и откуда возвращаются года через три, а кто и через пять, с таким гордым видом, будто на Том Свете побывали и все его хитрости превзошли.

Далянка из рода Мешковичей ходила сюда часто. Волчий остров, как островок Нави среди мира живых, вмещал не только обиталище лесного братства. В самом дальнем его глухом углу находилось Пекло – тайное место, где сжигали тела умерших, чтобы потом, собрав прах в горшок, погрести на родовом жальнике. Обычным людям не следовало посещать владения Кошной Владычицы: родичи привозили тело покойного к броду, а здесь его забирали «волки» в шкурах и личинах. Они доставляли его к Пеклу и предавали в руки жриц, они же складывали краду из загодя срубленных и высушенных бревен. Три дня спустя жрицы вручали «волкам» горшок с прахом, а «волки», посредники между Явью и Навью, так же у брода передавали его родичам покойного.

Сами служительницы Марены жили поодаль от черного выжженного круга, на берегу ручья. Сейчас их было две: бабка и внучка. Старая волхва Темяна приходилась князю Вершине матерью и после смерти мужа, старого князя Братомера, ушла жить «к Маре», справедливо рассудив, что «в белом свете» ей больше делать нечего. Случись похороны, ей помогали старухи из окрестных весей. Но в последние шесть лет она обзавелась постоянной помощницей: с ней поселилась ее внучка Лютава. Как старшей дочери князя и княгини ей полагалось до замужества обучаться «на том свете». Обычай уже не требовал, как встарь, ее полного отъединения от людей. Ей лишь нельзя было теперь видеться с родичами и подругами у себя, поэтому девушки приходили к броду и звали ее отсюда.

Шагая вдоль ручья, среди серебряных от росы зарослей, Далянка боязливо поглядывала на кусты за ручьем. До Острова было рукой подать, и кусты там не отличались от здешних, но мерещилось, что на том берегу лежит тень Нави – запретного и опасного для живых мира. И все шесть лет, что Далянка сюда ходила, ее не оставляло чувство, что вот-вот из тех кустов выползет что-то страшное – что-то такое, чему нет места в повседневном мире живых.

У конца тропы между Ратиславлем и Островом был устроен мостик из двух брошенных над ручьем бревнышек. Перейти его не составило бы труда, но позволялось это только самим обитателям Острова. Для всякой юной «овечки», кроме «волчьей сестры» Лютавы, сделать это означало бы отдаться в полную власть «волков», после чего возвращаться в человеческий мир не имело смысла. Всем девочкам округи еще в ранние годы рассказывали страшные сказки про волков, которые съедают любопытных.

Далянка хорошо знала эти места, поскольку нередко встречалась тут с Лютавой. Она обогнула две толстые ивы, под которыми утоптанная земля знаменовала место разнообразных тайных свиданий, шагнула вперед... И вдруг застыла. Вытаращенными глазами она смотрела на берег ручья, где среди зарослей виднелось что-то большое, серое... такого причудливого вида, что она даже не сразу разглядела. Человек? Зверь? Чудовище какое? Напряженная, всякий миг готовая бежать, она сделала еще шаг.

Рука. Кисть человеческой руки с пальцами. Потом серый мокрый рукав. Плечо с темными пятнами. А дальше, где должна быть голова... ничего.

Далянка отвернулась и быстро согнулась пополам: ее вывернуло. Она сделала шаг прочь от трупа, и ее вывернуло снова. Отплевавшись, не решаясь даже закричать, будто ее крик мог разбудить и поднять эту жуть, она разогнулась и со всех ног кинулась по тропе назад.

И только отбежав шагов на сто, завопила так, что крик ее разнесся над Волчьим

островом и зазвенел в ближнем лесу. Аж лесные птицы умолкли от испуга.

* * *

До веси Мешковичей от мостика было с два поприща. Когда прибежали мужчины во главе с Немигой, Далянкиным отцом, они застали здесь с десятков бойников. Под руководством Дедила те уже выловили труп и выволокли на «живую» сторону.

– Кто такой-то? – окликнул Немига, светловолосый мужик с выпуклым лбом.

Подойти ближе он не решался и рассматривал покойника шагов с пяти. Обычное тело: серая небеленая рубаха, сильно поношенные пестрядинные порты, босые ноги... и без головы. Сложения легкого, худой, и, похоже, довольно молодой.

– А пес его знает, – отозвался Дедила. – У вас-то никто не пропадал?

– Наши все дома, слава чурам. Может, ратиславльский?

– Да поди пойми. – Дедила хмуро взглянул на труп. – Головы-то нету, а так парень как парень. Судя по одеже, сирота. Я в Ратиславль послал, может, у них кто...

– Челядин, я думаю. – Немига глянул на пояс покойного из промокшей узкой тесьмы: безо всяких узоров, по которым можно было бы определить род. – А челядь у нас тут только княжья есть.

Дедила кивнул и сплюнул, прикидываясь совершенно равнодушным. Но на самом деле быть безразличен к этой смерти не мог: чуть не весь Ратиславль составляла его собственная родня. Князю Вершине Дедила приходился племянником, а Лютомеру – двоюродным братом и был схож с ним высоким ростом, очерком черных бровей на продолговатом лице. Только глаза у него были светлее, почти голубые.

По случаю «головного дела» из Ратиславля явился Богорад – двоюродный брат князя Вершины, и с ним кое-кто из младшей родни. С ними же пришел Крыка – старший над княжеской челядью.

– Ой, боги наши! – Крыка хлопнул себя по коленям и присел над трупом. – Он это, Дроздяшка наш.

– Уверен?

– Да пропал же отрок, уж три дня не видели. И порты эти – мои старые, я ему отдал. Бабы говорили, пошел вроде на Ярилину плешь ладу посмотреть^[1] да и пропал. Мы уж думали, убег... А... – Крыка огляделся. – Голова-то где?

– Пес знает.

– Где наши-то? – Богорад посмотрел на Дедила.

Тот кивнул на воду под ветвями ивы.

Богорад подошел ближе и осмотрел обрубок шеи.

– Ножом резали, – определил он. – Сперва... глотку перехватили, а уж потом, когда дергаться перестал...

– Что? – Дедила выразительно поднял брови. – Ты, боярин, на меня не смотри так – не мы его порешили. На кой пес он нам сдался?

В Ратиславле он не мог бы так независимо и даже непочтительно разговаривать с братом собственного отца, но на время пребывания на Острове родственные связи утрачивали силы.

Богорад помолчал.

- А ну как он к вам... того... полез зачем-нибудь, вы его и...
- Зачем ему к нам лезть – у нас девок нету, медом тоже не намазано.
- Кто ж знает, что в голову взбрело?
- Не лез он к нам. С вашей стороны его притащили.
- Что, следа нету? – Богорад огляделся.
- Ищут.

Следы искали на внешней стороне – Лютомер был уверен, что на Острове никто не мог бы убить человека так, чтобы бойники ничего не заметили. Он помнил, как встревожил его порыв холода из Нави в тот вечер, когда Лютава рассказывала про солнцеву сестру – но тот долетал откуда-то издалека.

Но и на человеческой стороне даже Лютомеру не удалось найти никакого следа: ни отпечатков ног, ни пятен крови. И вот это было очень странно. Конечно, труп не обязательно был сброшен в воду прямо возле брода, его могло принести течением. Лютомер прошел вдоль ручья, но шагов через пятьдесят начинались заросли, загородившие течение. Будучи сброшен выше, здесь труп непременно застрял бы.

Пришла и баба Темяна, побродила вдоль ручья с «живой» стороны.

– Затерт след, – сказала она, вернувшись к броду. – Как метлой прошлись.

Лютомер и Лютава сидели на изогнутом стволе ивы, похожем на широкую скамью. И не зная их, всякий сразу бы сказал, что эти двое – родные брат и сестра. Как и брат, Лютава была высокого роста, худощавая, узкобедрая, с продолговатым лицом, широким ртом и немного близко посаженными серыми глазами. Кожа у нее была смугловатой, и летний загар прилипал к ней накрепко, не сходя даже за долгую зиму. Зато ее косе завидовали все белые-румяные красавицы: русые, длиной до колен, волосы ее были густыми и мягкими – как у вилы. В это теплое утро поверх сорочки на ней была льняная белая вздевалка, усиливая сходство с обитательницами Нави.

Они не обсуждали событий между собой. И ребенок бы связал два конца: убийство челядина, из которого выпили всю кровь, и появление навей с окровавленными ртами, которые напали на Лютомера и Лютаву в тот вечер. Не в свой срок нави не появляются, не будучи вызваны. И никто еще не слышал, чтобы они пользовались ножом. Значит, тут не обошлось без живого человека. Дрозда прикончил тот, кто вызвал навей.

Но кто? Вот здесь все трое терялись в догадках. Ответа не было: не приходило в голову, кто из знакомых им волхвов и кудесников Ратиславльской волости мог бы это сделать. И зачем?

Родни у Дрозда не имелось, поэтому в рассуждении мести его смерть никого не касалась. Сирота, мальчиком лет шести-семи он был отдан князю вместо дани от бедной веси, где родичи не могли его прокормить. Князь подарил его своей младшей жене, хвалиске Замиле, тот прислуживал ее сыну, Хвалису. И убийством Дрозда Замиле был нанесен убыток. Сочувствовать печалям Замиле среди Ратиславичей охотников было немного, и уж точно к ним не принадлежали дети княгини Велезоры. Куда больше их тревожило другое. Что это за кудесник и чего он добивался? Судя по тому, что вызванные нави напали на них двоих, уж не добра Ратиславичам желает неведомый хитрец.

– Ну, что? – Темяна вздохнула и поднялась. – Волоките на Пекло, там еще поговорю с ним.

Положив на волокушу, бойники оттащили тело к Пеклу, сложили краду. В сумерках Темяна, надев медвежью личину и взяв свой большой бубен, пошла вокруг противосолонь,

постукивая и призывая дух умершего. Лютомер и Лютава, тоже с личинами, сидели под первыми деревьями и наблюдали, не понадобится ли бабке помощь.

Сквозь узкие глазные отверстия высушенной волчьей морды сумеречный мир виделся совсем иначе. Через личину смотрят в Навь, но носить звериную шкуру может только тот, кто одолел зверя и завладел его духом. Старшие бойники проходят посвящение, выступая на смертный бой с волком, вооруженные лишь ножом. Иные не возвращаются, но победители приносят шкуру и могут взять зубы побежденного зверя. Лютомер выходил на такой бой дважды – в шестнадцать лет за себя и шесть лет спустя – за Лютаву, когда ей сравнялось пятнадцать. Своего волка-помощника она получила из рук брата и с тех пор приобрела возможность, наученная бабкой, принимать в Нави облик волчицы.

Так и передаются волховные хитрости – от бабки к внучке. И восходят к той самой старой на свете бабке, Старухе, одной из вещей небесных вил, что живет в подземье, однако видна ночами на небе, и которая однажды зачаровала самого Велеса, после чего получила от него позволение творить волшебство.

Но сейчас Лютомер и Лютава просто смотрели. Они видели свою бабку в облике медведицы, что неспешно бредет вокруг разгорающейся крады, напевает песнь, скликающую духов. А позади, будто ее увеличенная тень, бредет куд-помощник – огромный бурый медведь. Его имени внуки не знали – им владела только Темяна.

Они ждали: вот-вот захлопают крылья, птица-душа с человеческим лицом – лицом Дрозда, горемычного холопа – сядет на краду и поведаст волхве тайну своей смерти. Но Темяна все пела, и лишь ветер Нави отвечал ей.

Песнь старухи проникала все дальше в глубины, и тьма сгущалась вокруг. Крада, на которой все сильнее горит пламя, два медведя близ нее, два волка – поодаль, не двигаясь с места, перемещались все глубже. Деревья вокруг сперва стали выше и толще, потом сменились разветвленной сетью корней. С каждым вдохом воздух холодел. Вместо травы под ногами уже поблескивал серый пепел. Вот-вот засияет вдали Огненная река – будто цепь костров, выложенных у небокрая.

Лютава первой различила багряное мерцание во тьме. Но это не была Огненная река. Два костра горели в глазах существа, похожего на грозовую тучу, что легла отдохнуть на землю. С замиранием сердца она различила очертания морды, торчком стоящих острых ушей, мощный загром, спину...

– Пора уходить... – будто далекий раскат грома, прорычал бабкин куд-помощник. – Нет его здесь. Головы нет – и духа нет.

– Где же он? – спросила медведица Темяна.

– Где голова, там и дух...

Темяна остановилась, потом застучала в бубен по-иному и двинулась вокруг крады в другую сторону. Постепенно делалось светлее...

Крада прогорела и обрушилась кучей головешек. Над поляной висел удушливый смрад – запах смерти...

* * *

Лишь еще через день Далянка вновь решила отправиться к ручью – и то попросила старшего брата Рудоню проводить ее до мостика. Лютава как раз закончила, сидя на

завалинке у избы, расчесывать и переплетать косу, когда услышала зовущий голос. Перевязав косу, Лютава повесила гребень на пояс и пустилась бегом по тропке.

Далянка ждала ее на том берегу. Привычно перебежав мостик, придерживаясь за ветки толстой ивы над водой, Лютава обняла ее.

– Нашли что-нибудь? – сразу спросила Далянка.

По всей волости много говорили о мертвце, толковали о злых навях, откусивших ему голову.

– Не откликается, – Лютава покачала головой. – Бабка звала – не пришел. Видать, где голова, там и дух. А головы нигде нет.

– Говорят... – Далянка смутилась. – Говорят, что это вы... ну, бойники... Хотели, дескать, Замилю обидеть...

– Это она сама и говорит?

– Ее люди говорят. К нам вчера Галица приходила. Пироги принесла. У Замили пироги пекли, она про матушку вспомнила: сейчас же ни у кого больше нет пирогов. У нас и правда мука вышла...

– И как пироги?

– Хороши. У Новици рука легкая на квашню.

Солнце уже заливало вершины берез, но внизу была прохладная, приятная полутьма. Пройдя через рощу и покинутую пять лет назад лядину Переломичей, девушки вышли к берегу Угры. Из-за кустов доносился заунывный голос пастушьего рожка – судя по тому, как он то заводил песню, то умолкал и начинал снова то же самое, это старший пастушонок обучал младшего.

На полянке росла старая береза с искривленным стволом, на который можно было сесть, как на скамью. Это было их любимое место, на котором они встречались, сколько себя помнили. Далянка устроилась на березе, будто русалка, которая ради праздника особо тщательно причесалась и оделась, а Лютава села на толстую ветку ивы, лежащую на берегу. Подобрав подол, опустила босые ноги в воду: купаться пока не пришла пора, но солнце припекало уже так, что хотелось освежиться. От реки тянуло прохладой, темные в тени струи колыхали длинные зеленые стебли водяных трав. Над водой зависла стрекоза с синим тельцем и прозрачными крылышками. Лютава глубоко вздохнула, словно пыталась вгнать в грудь всю прелесть этого мира, полного сил и свежести в конце весны, когда каждая травинка налита благодетельной силой Ярилы и стремится жить, жить, жить...

– Мать с отцом и бабкой потом полночи толковали – с чего это Замиля о нас вспомнила? – продолжала Далянка. – С чего свои пироги нам послала? Никогда между нами такой дружбы не водилось. Мать говорит, видать, хочет... – Далянка смутилась, – может, сватать...

– Тебя? – Лютава обернулась.

Род Мешковичей по старой памяти считался голядским, но благодаря многочисленным бракам с кривичами они и между собой уже два-три поколения говорили по-славянски. Однако их женщины носили рыжевато-коричневые голядские поневы из одного широкого куска, обернутого вокруг пояса, и синие наплечные накидки-«валянки», украшенные бронзовой проволокой. Далянке это очень шло, подчеркивая синеву ее глаз, белизну красивого лица и блеск светлых волос. На два года моложе Лютавы, нрава она была покладистого, приветливого и привязчивого и не утрашилась, когда в двенадцать лет ее подруга ушла жить на Остров, во владения Нави. Разве что к ее дружескому чувству

прибавилась почтительность. Красивая, приветливая, рукодельная, из хорошего рода, Далянка числилась в лучших невестах округи, не считая княжеских дочерей. Ей было шестнадцать, и все последние четыре года, как надела поневу, она на Ярилиных игрищах была окружена женихами, и на зимних супрядках могла бы выбирать из десятка поднесенных веретен^[2].

– Отцу меня первую отдавать... Я всю ночь не спала: вдруг князь посватает за Хвалиса, что мне тогда...

– А тебя отдадут Хвалису? – Лютава прищурилась.

Среди семи сыновей князя Вершины первым шел Лютомер – старший годами и сын княгини. Вторым – Хвалис, сын младшей жены. За черные волосы и темные глаза его с детства прозвали Галчонком, но в двенадцать лет Вершина дал ему имя Хвалислав. Не будучи родовым, это имя все же давало понять, что князь намерен обеспечить в будущем сына младшей жены как вольного человека. Очень важно было найти ему жену с сильной уважаемой родней; но роды «в славе» не хотели принимать в зятя сына рабыни, а взять за него простую девку не позволяло честолюбие Замили.

– А вдруг отдадут? Все-таки он княжий сын... и князь его любит. А еще говорят...

– Что?

– Ну... – Далянке не хотелось пересказывать сплетни, но это касалось ее собственной судьбы.

– Что говорят-то?

– Что Лютомер вовсе из бойников не вернется никогда. Говорят, у его ровесников семилетние дети бегают, а он как ушел в лес двенадцать лет назад, так и пропал. А если он не вернется, то старшим сыном у князя получается Хвалис... Ну, отец и думает... Говорит, княгиней будешь...

Далянка умолкла, окончательно смутившись. Лютава встала и подошла к ней.

– Лют еще пока не может вернуться. Не время. Это из-за меня... Но когда мой срок выйдет, Лют уйдет из бойников. Он будет наследником отца и князем угрян. Это кто же такие глупости выдумывает, будто он не вернется?

– Ну, Галица сказала... что Замиля так говорит... и другие тоже.

– Да врет она! – возмутилась Лютава.

– Не совсем... Отец говорит, он от других такое же слышал.

– От кого?

– От Неговита... и у Воловичей тоже... Люди же видят. Из бойников парни лет в семнадцать возвращаются. Наш Рудоня в шестнадцать вернулся, потому что старший сын. Ему жениться, помогать братьев растить... Все в семнадцать, ну, в восемнадцать лет домой приходят. А Люту разве восемнадцать? Когда было-то? Кто до таких лет не вернулся, тот уже и никогда...

– Брехня это! – отрезала Лютава. – Не бывать Хвалису князем. Так и скажи твоим! Лют не может уйти из леса, чтобы меня тут одну не оставлять. А когда я... выйду замуж, то и он вернется.

– Но когда же это будет?

– Я не знаю! – Лютава в отчаянии махнула рукой. Ей не хотелось об этом говорить.

Они помолчали, думая каждая о своем. Лютаве вспоминался тот огромный черный волк, страж Нави, что лежит на берегу Огненной реки. Трудно было вообразить, что это и есть сват, без которого ей не выйти замуж. Но это было так.

И в этот раз он опять ничего не сказал ей...

– У нас жалеют Хвалиса, – чуть погодя опять начала Далянка. – Как сидели вчера с Галицей... Мать говорит: жаль парня – и собой хорош, и умен, и удал, и вежеству учен. Всем взял, а такая у него судьба несчастливая. Никто же не виноват, что ему Рожаницы на небе такую долю написали: от чужеземной робы родиться. А был бы от знатной матери – жених бы вышел всем на зависть. И правда... он же... ну... хороший человек? Я знаю, вы с Лютом не любите его, но разве он чего худое делает?

– А ну-ка, посмотри на меня!

Хмурясь, Лютава глядела на свою подругу. Такие речи от Далянки она слышала впервые. Никогда раньше той не приходило в голову жалеть Хвалиса и находить его красивым. Прошлой весной Лютава заподозрила, что Далянке нравится кое-кто другой: из тех, кому подошел срок возвращаться из бойников домой. И вдруг – Хвалис!

Далянка сегодня была какая-то не такая. Что-то неуловимо странное появилось в выражении ее всегда ясного и приветливого лица с чуть приподнятыми, будто в улыбке, уголками губ – тревога, неуверенность, удивление. Тонким нюхом кудесницы Лютава уловила запах ворожбы и дальше слушала, не сводя с Далянки внимательного взгляда.

– Ты во сне не видала ли его?

– Видала... вот как раз... – с неохотой ответила Далянка. – Ведь он же... хорош собой, правда? И брови такие... будто два черных соболя... и очи ясные... – бормотала она, будто сама не очень понимает, что говорит. Взгляд у нее стал отрешенным, будто она прислушивается к чьему-то тихому голосу и повторяет за ним. – Снилось, будто обнимает он меня, слова хорошие говорит... Ты, говорит, ладушка моя любезная, голубка моя белая... Пойди за меня, княгиней станешь, будешь жить в чести да в радости... А я слушаю, и так хорошо мне... Аж вспотела во сне. Вертелась, Рушавку разбудила. И как проснулась – все он на уме. Хочу о другом о чем подумать – и не могу, все он стоит передо мной... Так и вижу очи его ясные, брови соболиные...

– Ну-ка, погоди...

Для такого простого дела Лютаве не требовалось особых приготовлений. Она прикрыла лицо руками, чтобы не мешал свет Яви, и выглянула в свое «навье окошко». Имея многолетнюю привычку, это сделать недолго и нетрудно, особенно когда глядеть надо не далеко, а тут, рядышком.

По коже побежали мурашки, а потом она словно затвердела, как каменная – это дух обнаружил свою иную, по сравнению с телом, природу. Перед глазами посветлело, внутренний взор устремился вперед. Все предметы вокруг – стволы деревьев, берег, тело Далянки – стали полупрозрачными. И в самом сердце своей подруги Лютава увидела темное пятнышко. Оно было живое и шевелилось, высасывая из души теплую силу и вкладывая взамен чужую волю.

Лютава издала короткий злобный рык, а потом с диким воплем прыгнула вперед. Далянка вскрикнула от неожиданности и испуга, отшатнулась и упала на траву.

Черный комочек выскочил из ее сердца и растаял.

Лютава постояла, приходя в себя. По коже опять побежали мурашки. Опустила руки, прищурившись – яркий свет весеннего дня резанул по глазам. Далянка сидела на траве и в ужасе смотрела на нее.

– Не ушиблась? – Лютава подошла и протянула руку. – Давай подниму.

– Не-ет... – Далянка уцепилась за ее сильную загорелую руку и поднялась. – Что ты...

скачешь?

– А ты не догадалась? – сердито ответила Лютава. – Она ведь, дрянь такая, тебе подсадку посадила, приворожить к Хвалису пыталась. Вот какие были пироги! На приворот наговоренные! Ну, я им дам! Вот ведь придумала! Не добром, так приворотом. Да их убить мало!

– Ну что ты! – испугалась растерянная Далянка. Внезапное влечение к Хвалису так же внезапно угасло, она уже сама отчасти ему удивлялась, но еще не опомнилась. – Ведь он тебе брат!

– Леший ему брат!

– Да если бы хоть леший! По матери ни рода, ни племени. Вот он и хочет как-нибудь корень пустить, хоть через жену.

– Я ему покажу... корень пустить! – с ожесточением ответила Лютава. – Выдерну к песьей матери, так вовсе жены не понадобится. Это они к завтрашнему дню постарались – ведь завтра Ярила Сильный! Подсадку посадить, чтобы ты денька два по нему потомилась, а там – круги, гулянья, песни-игры, все такое – и готово дело! Недаром Галица эта ходит тут везде, поршнями шмыгает! Дошмыгается!

– Да это ж ей Замиля приказала...

– Замилька слишком много о себе понимать стала! Моя мать-то ее на сворке держала, разгуляться не давала, а вот при Обиляне она разбаловалась!

– Ну, Обиляна молода, – за нынешнюю княгиню Далянка тоже заступилась, – ее как привезли, она на шестнадцатом году была...

– Мало ли что на шестнадцатом году! Зато она – от лучанских князей. Вот и дождалась, что роба чужеземная ей на шею села. Я слышала, говорят, отец больше у Замили теперь и живет, к Обиляне едва заходит детей глянуть. Того гляди эта квашня переспелая на княгинино место плюхнется! А Молигнева куда смотрит, она же там рядом живет? Я вот бабке скажу – она-то Замильку нахлобучит!

– Мать говорит – князь за нее заступается. Жалеет очень...

Лютава промолчала. Она не могла осуждать поведение отца, но от его чрезмерной любви к черноглазой чужачке ждала, как и прочие Ратиславичи, всяких бед. Особенно эта любовь усилилась в последние пять-шесть лет, когда с Вершиной рядом уже не было княгини Велезоры. Перед первой женой-волхвой он немало благоговел и не смел наносить ей обиды, открыто предпочитая чужеземную рабыню. Новая же его законная жена, Обиляна, слишком юная и робкая в чужом краю, не сумела указать хвалиске ее места. Вершина был добрым человеком и старался никого из жен и детей не обидеть, но все знали, кому он отдает предпочтение на самом деле.

– Ой! – Далянка вздрогнула, вдруг увидев в паре шагов от себя Лютомера.

С волчьей шкурой на плечах, он появился бесшумно, будто дух. Однажды, еще подростком, Далянка увидела в лесу волка – одни глаза, следящие за ней из гущи ветвей. И всегда вспоминала этот спокойный, изучающий взгляд, когда замечала Лютомера. В глубине его души тоже жил волк, сквозь эти серые глаза пристально наблюдающий за человеческим миром снаружи.

– Жива будь! – Лютомер кивнул Далянке, потом посмотрел на сестру. – Пойдем. Темяна с крады собрала, велела в реку высыпать.

В руках у него был простой горшок, в который Темяна смела с крады обгорелые останки Дрозда. Обычно прах погребали под родовым курганом, но кости парня, умершего дурной

смертью, не следовало оставлять в земле.

– Пойду я. – Лютава на прощание обняла Далянку. – Смотри, не ешь больше пирогов у кого попало. И... прошу тебя, не рассказывай родичам... ну, про приворот. Не позорь отца моего. Мы сами между своих все уладим.

– Это какой еще приворот? – спросил Лютомер, пока они шли вдвоем по тропе от березы к Ратиславлю, чтобы взять челн.

Ратислав Старый, основатель Ратиславля, пришел сюда со своим родом с запада, от верховий Днепра, и поселился среди голяди, на старом заброшенном городище: подновил оползший вал, поставил поверх него крепкий частокол из толстых дубовых бревен. Изнутри площадку городца огибали длинные избы-обчины, куда жители Ратиславля и округи собирались на совет и на пиры, но внутри стоял только княжий двор. Остальные жили снаружи, в селище на высоком берегу возле мыса. Пращур Ратиславичей вел свое происхождение от князей племени смолян, которым и теперь отдавал четвертую часть собранной дани. У него было несколько жен – одни знатного рода, другие попроще, и каждая принесла потомство. Теперь Ратиславль и округу населяло уже пятое поколение, всюю рожавшее на свет шестое.

В городец Лютомер и Лютава не пошли, а забрали чей-то челн с отмели и поплыли вниз по течению. Прах дурных покойников следует выбрасывать пониже, чтобы его не несло мимо населенных мест. Правда, между Ратиславлем и устьем Угры, где она впадает в Оку, за день-другой пути можно было встретить еще немало селищ и старинных городцов – частью заброшенных, частью подновленных и обитаемых. А дальше на восток начинались земли вятичей, подчиненные князю Святомеру гостилловскому.

Одной рукой направляя челн, Лютомер обдумывал услышанное.

– Эти криксы вообразили, будто ты никогда не вернешься! – возмущенно пересказывала Лютава. – В «отреченные» пойдешь, в лесу сгинеешь, а весь наследок отцов Хвалису достанется! Он уже себя князем угрянским видит, к Далянке сватается и сулит «княгиней будешь»!

– Прямо так сватается? – прищурился Лютомер.

– Еще не... там все еще хуже! – Лютава вспомнила продолжение. – Они Далянку приворожить пытались.

– Кто – они?

– Пришла к ним Галица, принесла пироги от Замили. Видать, нашептанные пироги были.

– И кто же их нашептал?

Лютомер смотрел на сестру, выразительно подняв бровь, а она молчала. Уж не Замиля – та прыщ заговорить не умеет.

– Галица и нашептала... – предположила Лютава наконец. – Она ведь замужем у Просима жила... года два или три. Он мог научить.

Лютомер кивнул. Старый бортник Просим сам имел славу «знающего» и мог научить невестку ворожке.

Но дальше начиналась сложность, с которой они не знали, как быть. Приворот – не шутки. Замиля приказала своей челядинке приворожить Далянку к Хвалису, а это значит, что дурная ворожба пришла на дочь Немиги из Ратиславля. За младшую жену отвечал князь Вершина – отец Лютомера и Лютавы. Имея сына, Замиля входила в число матерей рода, а значит, и Лютомер имел перед ней некие сыновние обязательства. Если Далянка расскажет Мешковичам правду, на весь род Ратиславичей падет тень позора.

Но что-то делать было надо. Лютомер и Лютава были бы рады увидеть Далянку женой кого-то из своих братьев, но уж точно не Хвалиса!

– Поговори со стрыйкой Моляшей, – наконец решил Лютомер. – Ей надо знать, если кто в семье ворожкой балуется. И пусть сама решает, она там набольшая.

Молигнева, родная сестра князя Вершины, была старшей жрицей угрян и распорядилась всеми обрядами «живой» стороны, в то время как Темяна, ее мать, была волхвой, посланницей от Яви к Нави.

День был ясный, уже начинало припекать. В зелени берегов пестрели белые нивянки и розовые метелки ревелки, а вытянутые облака лежали на синеве небес, будто рушники, вытканые солнечной сестрой и приготовленные в ожидании лучезарного брата. Любуясь ими, Лютава совсем забыла, что держит возле колен горшок с прахом. Но вот Лютомер оставил весло и кивнул ей.

Лютава встала и подняла горшок.

– Горе да беда – с водой уйди навсегда, – заговорила она, с усилием опрокидывая тяжелый горшок над рекой. Прах, перемешанный с обгорелыми останками костей, посыпался в воду. – Ты – за рекой, мы – за другой. Как солнышку в другую сторону не катиться, так и тебе назад не воротиться. Кто этот прах назад соберет, тот нам зло принесет; кто сочтет на небе звезды, в лесу листья, в реке песок, в овине солому, на собаке шерсть, на овце шерсть, на козе шерсть...

Она бросила в воду пустой горшок; тот ушел с легким бульканьем. Лютава вынула из корзины каравай, который забрала из селища у Молигневой.

– Вот тебе хлеб да соль – у стола не стой. – Она пустила каравай по воде вслед за прахом, в угощение умершему. – В оконце не гляди, к живым не ходи.

И перевела дух.

Лютомер взялся за весла и повел челнок назад к Ратиславлю. Проводить тело было наименьшей заботой из тех, какую на них возложила эта внезапная смерть.

– Ой! – Лютава, сидевшая лицом по ходу челна, вдруг вытаращила глаза. – Гляди, к нам гости! Да много!

Лютомер обернулся. К отмели, где приставали все ратиславльские челны, приближались две чужие лоды – насады, вмещавшие каждый по десять человек с поклажей для дальней дороги.

– Это откуда таких синцов да игроков принесло? – Лютомер приналег на весла. – А мои молодцы небось и в ус не дуют?

Но он был к ним несправедлив. Предупрежденные кем-то бойники под предводительством Борони – семнадцатилетнего Борослава Вершиславича, третьего по старшинству брата, – уже спешили вдоль реки к отмели и достигли ее почти одновременно с гостями.

Однако, бросив на приезжих быстрый взгляд, Лютомер облегченно вздохнул и усмехнулся:

– Да это же вятичи!

Они с Лютавой вышли из челна и поднялись туда, где стояли бойники под предводительством троих страших. С волчьими шкурами на плечах, Дедила, Хортомил и Лесога имели вид весьма грозный. Но тем не менее сразу было видно, кто тут главный: Лютомер выделялся среди отроков и ростом, и более зрелым возрастом, и отпечатком особой силы – дыхания леса.

– Это Доброслав, Святомеров старший сын! – кивнул Лютомер. – Помнишь его, Дедила?

– Они, пожалуй! – Парень взгляделся. – Я и сам не сразу вспомнил. Сколько ж их не было?

– А полгода почти и не было. Как реки встали, так они проехали.

– С чем плывут, вот бы узнать! – заметил Хортомил и усмехнулся. – А то если они к смолянам зазря съездили, может, хотят нас завоевать в утешенье?

– Сейчас мы их утешим, пес его мать! – пообещал Лесога и сплюнул. Несмотря на свой малый рост, он был задирист и считался знатным бойцом.

– Ну-ну! – насмешливо осадил его Дедила. – Они тебя уже знают! Отойди от берега, а то и пристать не решатся!

Эти трое – Дедила, Хортомил и Лесога – ходили в «волках» последний год и будущей осенью должны были уже вернуться домой и жениться. Двое первых были двоюродными братьями Лютомера, являясь потомками младших сыновей Ратислава Старого.

Лютомер тем временем направился вниз по тропе. Заметив вооруженную ватагу, приезжие не спешили выходить из лодей, хотя те уже встали на мелководе.

– Будь жив, Доброслав Святомерович! – Лютомер приветственно махнул рукой. – Выходите, благо вам будь на земле угренской, если сами не со злом пришли!

– И ты будь жив, Вершиславич! – ответил ему рослый, худощавый, не широкий в плечах, но жилистый и сильный мужчина лет двадцати пяти.

Что-то общее с суровой хищной птицей замечалось в выражении его лица, с тонкими чертами и горбинкой на носу, с темными глазами, унаследованными от бабки, которая у него была то ли хазарка, то ли болгарка. На темно-русых волосах сидела яркая шапка с верхом из красного шелка с вытканым желтым узором, издали заметная среди белых и серых валяных колпаков остальных.

Доброслав первым поднялся по тропе на крутой берег, за ним потянулись его люди. Появление их разом выдуло из памяти Лютомера все заботы минувших дней. Старший сын князя Святомера, правившего в землях вятичей на верхней Оке, еще зимой, в стужень месяц, проезжал со своей дружиной и двумя старейшинами через Угру, направляясь к Днепру, к князю смолянских кривичей Велебору.

Лютомер хорошо помнил рассказы вятичей о событиях, побудивших их отправиться в дальний путь на запад – о невиданных каменных крепостях, которые начали строить хазары на рубежах славянских земель, о войне прошлого лета, когда даже сын лебедянского князя Вомира попал в плен и таскал камни на строительстве. Понимая, что крепости возводятся неспроста и в будущем обещают много неприятностей, князья южных земель наметили на следующее лето большой поход вниз по Дону и стали искать союзников. Сюда, на Угру, приезжал сам Святомер гостилковский и звал Вершину присоединиться. Соблазнял богатой добычей, которую можно захватить в изобильных хазарских городах. Но угренский князь имел благовидный предлог отказаться – будучи по происхождению потомками днепровских кривичей, угряне признавали над собой верховную власть смолянского князя и без его согласия ввязываться в войну не имели права. Признав справедливость этих доводов, Святомер отправил старшего сына на Днепр, надеясь склонить к союзу самого Велебора.

Со времени отъезда послов прошло уже полгода, и вот они возвращаются восвояси. Спрашивать, удачным ли оказалось посольство, было еще рано, но Лютомер, окидывая быстрым взглядом лица Доброслава и его людей, заподозрил, что поздравить не с чем.

Вятичи кланялись в ответ на его приветствие, проходя мимо вверх по тропе, но судя по

лицам, удовольствия от разговоров, которые придется вести в Ратиславле, не ожидали. Лютомер провожал их невозмутимым, даже веселым взглядом, по привычке слегка щурясь, словно желая спрятать свои мысли, но подмечал их озабоченность и старался прикинуть, чего теперь ждать. Если бы Велебор смолянский дал согласие на поход, гостилловцы ехали бы веселые и смотрели уверенно. И с ними был бы кто-то из смолянских старейшин. Однако новых лиц среди приехавших не замечалось. Скорее всего, своих целей в Смоленске вятичи не достигли, а значит, угряне ни в какой поход не пойдут.

Ибо угряне совершенно не жаждали участвовать в хазарских войнах, о чем явственно давали понять еще зимой. Угра располагалась далеко от тех мест, куда могла добраться хазарская конница, и Вершислав не собирался рисковать ради сомнительных выгод, которые могла дать восточная торговля.

Каждый, кто проделал долгий путь, первым делом отправляется в баню – смыть все то нехорошее, что могло к нему прицепиться по дороге через глухие леса. Пока гости мылись, у князя было время подготовиться к встрече. Прослышав о вятичах, старейшины собрались в обчину на площадке городца, где в былые годы возглавлял советы сам Ратислав Старый.

Ныне его потомками правил князь Вершислав. В свои сорок с небольшим он был еще молодец хоть куда – крепкий, свежий, ясноглазый, с красивыми русыми кудрями и бородой, лишь слегка побеленными сединой. Свою старшую жену и первую княгиню, Велезору, Вершина потерял лет пять назад, и сейчас рядом с ним сидела Обиляна – дочь князя лучан с реки Лучесы, лет на двадцать его моложе, не слишком красивая, но миловидная и разумная женщина.

Обчина, просторное сооружение из толстых бревен, под двускатной соломенной крышей с конским черепом на коньке, отапливалась по старинке, как при Ратиславе Старом – открытым очагом посреди земляного пола. Возле очага стояли деревянные чурки – Дед и Баба: по праздникам их одевали в белые вышитые сорочки и ставили перед ними миски с угощением. Перед их темными, едва намеченными лицами обсуждались важные дела, заключались договора и приносились клятвы.

Старейшины Ратиславля – потомки сыновей Ратислава Старого – рассаживались на длинных скамьях вдоль стен. Младшие их домочадцы толпились снаружи, разглядывая гостей. Подросшие дочери и племянницы Вершины, которым понравился стройный красивый гость, прихорашивались, но Доброслав, в сопровождении Лютомера проходя к обчине, равнодушным взглядом скользнул по хорошеньким, румяным лицам Молинки, Премилы и Ветлицы. Гораздо больше для него значила встреча с их отцом.

В собрании старейшин лишь двое парней устроились у двери: старшие сыновья Вершины, Лютомер и Хвалис. Они родились от разных матерей и совершенно не походили как друг на друга, так и на остальных родичей. Лютомера отличали мех волчьей накидки, длинные волосы, неуловимый отпечаток дикости, пристальный и в то же время отчасти отрешенный взгляд, внушавший трепет даже своим. Девятнадцатилетний Хвалис родился от Замили, родом из-за Хвалисского моря, и был очень похож на мать: как красотой лица, так и темными глазами, смуглой кожей, блестящими черными волосами. Сын пленницы, Хвалис не имел тех прав, что дети свободных знатных матерей. Однако сам Вершина очень любил Замилю и все время старался дать ее сыну случай проявить себя и завоевать уважение. Сам Хвалис, горячий и честолюбивый, очень страдал от своего униженного положения. Лютомера, своего главного соперника, он недолюбливал с детства. А тот лишь совсем недавно осознал, что на черноглазого Галчонка вообще стоит обратить внимание. До того

любовь отца к чаду хвалиски беспокоила Лютомера не больше, чем привязанность к охотничьему псу или жеребцу.

Вятичи и впрямь привезли важные новости – важные в первую голову для самих угрян. Нынешней весной умер князь смолян, Велебор, и наследовала ему, ко всеобщему удивлению, его дочь Избрана, каким-то загадочным образом оттеснив двоих братьев, Зимобора и Буяра^[3]. И она решительно отказала в просьбе вятичей помочь войском.

Рассказывая об этом, Доброслав с трудом сохранял невозмутимость: стыдился того, что съездил в такую даль напрасно и не оправдал надежд своего отца, а к тому же предстал неудачливым, жалким просителем перед молодой женщиной.

Но угряне едва слушали его: куда больше их занимало то, что в Смоленске сменился князь. После смерти старого владыки его преемник должен был прислать послов ко всем младшим князьям, объявить о перемене, заново утвердить старые dokonчания. Однако пока из Смоленска никто не прибыл. Почему? К тому же всех поразило, что преемницей Велебора при двух взрослых сыновьях стала даже не вдова его, а дочь.

– Вот ты и думай, княже! Вы и думайте, угряне! – Доброслав оглядел удивленные, озадаченные, встревоженные лица, окружавшие его со всех сторон. – Что это за князь такой – баба, вдова! Нет у вас больше князя, кривичи угренские! И чтобы с такой долей не пропасть, не лучше ли вам будет иных соратников себе поискать? Там, где у власти крепкие мужи стоят, а не глупые бабы! Ведь вы вятичам не чужие. И на Угре немало вятичей живет, и сам ты, княже, с нашими князьями в родстве.

Он обернулся и глянул на Лютомера, к материнскому роду которого это главным образом относилось.

– погоди! – Вершина с досадой махнул рукой. – Ты очень уж спешишь, Доброславе. Прямо сейчас тебе все подай! Молодой еще, успеешь! Соберем сперва народ, объявим твои новости. Пусть люди подумают.

– Ну, пусть думают, – согласился Доброслав. – Но не затягивай, княже. Мне долго отдыхать некогда. Пока я ездил, не началось бы у нас опять... Ничего с Оки не слышно?

– Никого не было у нас с той стороны покуда. Хазар опасаясь?

Доброслав не ответил, но и так все понимали, что их, проклятых. Уже не первый век словенские племена, жившие в верховьях Дона, на Воронеже, на Днепровском Левобережье, вели почти непрерывающуюся борьбу с Хазарским каганатом. Прикрывая славян со стороны степи, хазары давали им возможность пахать плодородные земли, не опасаясь кочевников, но гнет этого покровительства был тяжел, и чуть ли не каждое новое поколение во главе с очередным молодым князем пыталось его сбросить, надеясь справиться своими силами.

В честь такого важного события, как смерть смолянского князя, предстояло созвать старейшин со всей Угры и притоков, и вече могло состояться не раньше Купалы. Уже само согласие созвать вече сейчас, перед сенокосом, было уступкой и любезностью со стороны Вершины – обычно такие дела откладывают до зимы, до пиров Корочуна, когда любой хозяин может на время покинуть дом. Не желая ссориться с вятичами – близкими и сильными соседями, к тому же родней, – угренский князь тем не менее не собирался ввязываться в войну без поддержки и согласия других кривичских князей – с верхнего Днепра, Десны, Дивны-реки.

А Доброслав, умный и дальновидный человек, хорошо понимал: сейчас, когда старый князь смолян умер, а новая княгиня не утвердилась на столе, Доля посылает вятичам

хороший случай перетянуть угрян на свою сторону и даже, возможно, включить в свой союз. Но пока за то, чтобы взять сторону вятичей, стоял один Неговит, старейшина младшего рода от корня Ратислава Старого. Он был довольно ловок в торговых делах, неоднократно ездил по поручению Вершины продавать излишки дани и считал, что возить меха хазарам очень выгодно. И Доброслав сознавал: убедить остальных будет очень нелегко.

* * *

В конце весны в печях уже не имелось необходимости, поэтому вятичи раскинули шатры на луговине возле Ратиславля. Лютомер тем временем повел бойников обратно на Остров – собираться в дорогу. Именно им предстояло послужить гонцами – песьи ноги молодые, как говорится. Это на первый случай – гонцами...

Собираясь и обсуждая, кто куда и как, бойники пылали лихорадочным возбуждением. Если и впрямь случится война, то Лютомер соберет их собратьев уже со всей земли угрян и во главе этого войска первым пойдет в бой. Лютава знала немало старинных сказаний и песен о таких походах «песьего войска», и отроки часто слушали по вечерам о своих предшественниках:

Дружина спит, Радомир не спит,
Разбудил он удалых добрых молодцов:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Не время спать, пора вставать!
Пойдем мы ко царству Греческому,
За Дунай-реку за великую».
И пришли они ко стене белокаменной:
Крепка стена белокаменна,
Вороты у города железные,
Крюки-засовы все медные...

В конце дружина захватывает землю в чужом краю – у греков, обров, голяди, – ее вожак берет в жены дочь тамошнего князя и занимает его место. Но в жизни бывало по-всякому. На памяти бабки Темяны уже троих вожakov «стаи» привозили из похода убитыми или хоронили вдали от родных мест. Своирад, сын Ратислава Космата, Воимер, сын Велетура, и даже Ративой, старший брат Вершины, так и не вернулись из бойников, не стали мужами и отцами. Когда Лютава была маленькой, память о гибели Ративоя в роду была еще свежа, и она не раз слышала рассказы о его последнем походе и о том, как Ледяна, тогдашняя волхва, по доброй воле пронзила себе грудь ножом и ушла с ним в Кошное.

Нет такого обычая, чтобы сестры сопровождали братьев на тот свет. Но если бы Лютаве предложили выбирать, она куда охотнее пошла бы за Лютомером – след в след за своим вожаком, как привыкла, – по незримой тропе в Навь, чем осталась в мире живых без него. Старше ее на целых семь лет, он всегда был важнейшей частью мира, где она росла, и своей жизни без него она не могла и вообразить.

Оба с самого детства знали, что их мать, княгиня и волхва, отличается от прочих

женщин. А когда Велезора покинула их, это отличие они стали делить лишь на двоих и жили, как две половинки ореха, некоей невидимой скорлупой отделенные от остальных, весьма многочисленных родичей.

Когда стая покидала Ратиславль, у крайних изб селища им повстречалась Галица. Но все были так заняты новостями, что ее не заметила даже Лютава – мысли о возможном военном походе вытеснили из ее памяти нашептанный пирог, попытку присушки и даже бедолагу Дрозда.

Молодая женщина проводила Лютомера долгим взглядом; кажется, он почувствовал, но лишь передернул лопатками под накидкой из волчьей шкуры – и не оглянулся, оживленно разговаривая с сестрой и Хортомиллом. А она все смотрела, будто пила жадным взглядом красоту этой рослой плечистой фигуры, легкость шага, ловкость каждого движения. Тот отпечаток леса, который иным внушал трепет, Галицу пьянил, как медовая брага. В старшем сыне Вершины в избытке было того, в чем Галица так нуждалась, что влекло ее с детства – сила близости к богам.

При взгляде на Лютомера Галицу пробирала дрожь. Было чувство, будто она тянется погладить волка – так приятно было бы коснуться пушистого меха на загривке этого красивого, сильного, опасного животного, но ведь он может одним щелчком челюстей отхватить руку по локоть! Ее разрывали противоречивые желания: подойти ближе, заглянуть в глаза, коснуться груди – и в то же время хотелось бежать от него подальше, прятаться от этого взгляда, отрешенного и в то же время пристального, как велсы прячутся от молний Перуна-Перкунаса. Если бы только он узнал, надменный потомок угренских и вятичских князей, чего достигла жалкая безродная челядинка, сиротливый побег на корне срубленного дерева! Но если он узнает, на что она способна, это будет означать ее гибель. Томимая влечением и опасением, Галица все стояла, как прикованная, и все смотрела ему вслед...

Так бывало всегда. Лютомер приходил в Ратиславль редко, но Галица всегда замечала его, а он ее – никогда. Галица хорошо знала, что он за человек, а он даже не думал, кто она. Ну, бегают тут одна, Замилина челядинка, ну и что?

Бойники все удалялись, солнце поднялось высоко и било в глаза. Если он теперь и оглянется, то не разглядит ее лица. Никому не нужная улыбка медленно угасла. Лютомер еще не знает, что все изменилось и Галица, челядинка Замили, уже не та женщина, мимо которой можно пройти, как мимо скамьи или лохани. Кое в чем они уже стали равны. И он пожалеет, что не заметил этого вовремя.

Галица опустила длинные черные ресницы, будто хотела спрятать выражение своих изжелта-серых глаз. Хотя кто стал бы заглядывать ей в глаза?

– Пришла? – На княжьем дворе Галицу окликнула вторая челядинка, по имени Новица – рослая крупная баба. – Замиля тебя спрашивала. Велела, как придешь, сразу к ней идти.

Эти две женщины, а еще два холопа составляли собственную челядь Замили. В неволю обычно попадали пленники, захваченные в походах. К ним принадлежала и мать Галицы – еще девочкой-подростком она попала в плен во время войны старого князя Братомера с голядью нижней Угры. Своего имени полонянка не сказала, и ее стали называть Ильга – по названию городца Ильган, откуда она была родом. Она выросла в челяди княжьего двора, родила дочь – одновременно с Замилей, родившей мальчика, благодаря чему стала кормилицей княжьего сына и сблизилась с его матерью. Когда Галица подросла, Ильга выпросила для дочери волю и кое-какое приданое: Галица вышла замуж и года два прожила на лесной заимке у бортников, в пяти поприщах от Ратиславля. А оставшись бездетной

вдовой в то же самое время, как умерла Ильга, вернулась к Замиле и с тех пор жила при ней как самая доверенная служанка и почти подруга.

Владения хвалиски Замилы состояли из двух клетей, разделенных деревянной перегородкой, и в каждой имелась своя печь. В большей половине обитали дети и собственная челядь младшей жены, а меньшая служила спальней ей самой и по большей части – князю Вершине.

Лет двадцать назад до молодого князя Вершислава дошли слухи, что вверх по Оке идут купцы из-за Хвалисского моря и везут с собой несметные богатства. Налет удался лишь отчасти: старший из купцов ухитрился половину серебра бросить в реку. Зато среди добычи обнаружилась молодая смуглокожая рабыня, и Вершина, никогда не видевший таких женщин, взял ее себе. Первое время пленница дичилась, не понимая ни слова по-славянски, отказывалась есть, никак не желала появляться на людях с открытым лицом. Умываться она ходила только на реку, отказываясь от обычной лохани, и горько плакала, когда из-за подступающих холодов купаться в Угре, куда она отправлялась по вечерам, стало нельзя.

Но постепенно эти ее «странности» прошли, она кое-как приспособилась к новой жизни, научилась языку словен. Конечно, даже лишившись Велезоры, Вершина не мог назвать княгиней темноглазую чужеземку-пленницу. Но Замиля, хоть и звалась младшей женой, жила не хуже старших, щеголяя не менее дорогими одеждами и украшениями, гордилась посудой, разными ценными и забавными вещичками, которые иной раз привозил с далеких торгов расторопный Неговит. В избе у нее было красиво и богато: на лежанке соболье одеяло, пуховые подушки, занавеска из шелка с птицами и цветами. На резных укладках шелковые покрывки, на полках пестро расписанные хвалисские блюда, серебряные чаши, на столе литой бронзовый светильник. А уж сколько цветного платья и разного узорочья подарил Замиле Вершина – и не сосчитать. Иной гость, всю жизнь носивший домотканое платье и евший из самолепных глиняных горшков, случайно попав сюда, застывал от изумления и забывал свое дело: не в Иррий ли шагнул ненароком?

Замиля очень любила цветное платье, и всякий день на ее смуглых руках звенели браслеты и сверкали перстни. По прошествии двадцати лет она оставалась еще красивой, хотя стройный некогда стан расплылся после пятикратных родов, а возле темных глаз появились морщины. Из пяти ее детей выросли только трое; старшая ее дочь года три назад была отдана замуж в семью дальней Вершининой родни, но умерла родами, оставив маленького ребенка. При Замиле сейчас жили двое: Хвалис, ее первенец, и младшая дочь, четырнадцатилетняя Амира.

Войдя, Галица застала в клетке не только саму Замилю, но и ее сына. При виде челядинки княжич в нетерпении встал.

– Где ты пропадала? – нахмурилась Замиля. – Ты что, ночевала у Мешковичей?

– Ну, что? – одновременно с матерью воскликнул Хвалислав. – Удалось?

– Здравствуй, княгиня, и ты, сокол мой ясный! – Галица низко поклонилась. Она одна называла Замилю княгиней, и за это ей здесь многое прощалось. – Как твое здоровье, заря ты моя ненаглядная?

– Ничего, – обронила хвалиска. – Ты говори лучше. Была у них? Все сделала?

– Сделала я, сделала, матушка моя. – Галица еще раз поклонилась. – Заговорила я пирожок крепким заговором, чтобы в сердце девичье страсть горячую, пламя палючее вложить. И съела она пирог, и вошел в нее Ярилин дух. Теперь сладится дело. Завтра она на тебя, сокол ты наш, уже совсем другими глазами смотреть станет. Получишь ты невесту

знатную и добрую, все будет, как пожелаешь. Только ты и сам не теряйся! – Она посмотрела на молочного брата. – Добрая жена – хорошо, но на бабьем горбу далеко не уедешь. Боги нам нужных гостей послали.

– Это ты про вятичей, что ли?

– Про них, сокол мой.

– Чего же в них доброго? – возмутилась Замиля. Ее голос, некогда чаровавший молодого Вершину звучностью и напевностью, с годами приобрел пронзительность, особенно когда она сердилась или волновалась. – Еще уговорят князя идти воевать! А ну как его убьют – что тогда со мной будет? Меня с ним на краду положат, а детей моих в челядь продадут!

– Зачем ты сразу о худом думаешь, заря моя золотая? – мягко упрекнула хозяйку Галица. – Ну, война. Где смерть, там и слава. А уж я постараюсь, чтобы смерть твоих соколов десятой тропой обошла, а слава прямо на плечо Жар-птицей села.

– Где же тут Жар-птица? – недоверчиво спросил Хвалис.

– Только Рожаницы ведают, как дела обернутся. Может, и году не пройдет, как будем мы дань возить не смолянскому князю на Днепр, а гостилловскому – на Оку. И кто ему друг – тот и в силе будет. Смекаешь? Лютомер-то в лесу, а ты здесь. Не растеряйся – всех переконаешь^[4]. Поди к Доброславу, разговор заведи, чтобы знали тебя.

– Да захотят ли вятичи со мной дружить? – Хвалис нахмурился, зная, с каким пренебрежением на него смотрят даже собственные родичи. – Доброслав-то вон какой гордый!

– Ему сейчас позарез нужны друзья на Угре. А ты у отца – любимый сын. Я уж постараюсь, чтобы вятичи об этом проведали. Ты им поможешь, а они – тебе.

– Счастье не курочка – так просто не прикормишь... – вздохнул Хвалис.

– А я-то на что? – Галица склонила голову, будто собака. – Я тебе, сокол мой, какое хочешь счастье прикормлю.

Хвалис хмыкнул, но потом взглянул ей в глаза, и ему стало жутковато. Свою молочную сестру он знал с рождения; с ней он играл, когда другие дети, светловолосые потомки Ратислава Старого, сторонились черноглазого мальчика, сына пленницы. Тогда их и прозвали женщины Галчонком и Галицей; на самом деле обе матери дали своим детям другие имена. Даже тому, что ее считали «знающей», Хвалис не придавал большого значения: всякая баба знает какие-то травы, заговоры и обереги. Она сама предложила ему присушить Далянку и теперь обещала успех. Он сомневался, что Галица способна на что-то путное: ей ведь, как и ему, еще нет двадцати, что она может уметь?

Но сейчас усомнился, не слишком ли низко ее оценил. Какая-то особая сила загорелась в ее глазах, и лицо, всегда украшенное широкой игривой улыбкой, вдруг стало строгим, резким, даже пугающим. Так она казалась гораздо менее привлекательной, но внушала почти трепет. Мелькнуло ощущение: да ведь они с матерью совсем ее не знают! А то, что якобы знали об этой женщине, им лишь мерещилось.

– И чего ты за это хочешь? – с подозрением спросил Хвалис.

Вспомнились разные сказы, как колдун в обмен на счастье просит «чего дома не знаешь» или еще что-нибудь, что делало услугу уж очень накладной. Конечно, от Галицы он не ждал, что ей понадобится его будущий сын, но на сердце легла тревога.

– Мне самую малость нужно, – улыбнулась она. – Вот станешь ты князем угрянским – дай мне приданое большое и сосватай за мужа знатного, богатого. Тебе это нетрудно будет: я ведь стану тогда самого князя молочной сестрой, да и сама я хороша. Разве нет?

– Станешь князем! – с досадой повторил Хвалис. – Смеешься ты надо мной, дурная баба!

Галица и правда засмеялась, а потом ушла в большую клеть и уселась за жернов. Глядя, как усердно она выполняет эту ежедневную работу, никто не заподозрил бы, какие замыслы вызревают в уме этой молодой, улыбчивой, совершенно заурядной женщины.

* * *

Назавтра, собираясь на Ярилину плешь, Молинка и Далянка зашли за Лютавой, как обещали, но дождались ее не скоро. Сидя на поваленной березе возле мостика, девушки сплели себе по венку и спели три песни, а Лютава все не выходила.

Наконец из-за деревьев послышались голоса, и вот на тропинке показалась толпа парней и подростков. Половина бойников была уже разослана собирать народ на вече и ушла на челнах вверх и вниз по Угре, но два десятка осталось. Они и были теперь здесь: умытые, непривычно хорошо одетые, с тщательно расчесанными волосами. Собственного двоюродного брата Требилу, которому кто-то убрал с лица обычно спутанные космы и опрятно заправил за уши, Далянка даже не сразу узнала. Сами парни тоже чувствовали себя чудно и все одергивали выстиранные рубахи, поправляли пояса.

Старинный обычай полного отъединения бойников от «людей» при последних поколениях уже давал послабления и позволял парням являться на весенние игрища, особенно тем, кому выходил срок осенью возвращаться домой и жениться.

Завидев у березы двух девушек, старшие из парней бурно обрадовались. Еще бы не обрадоваться – в ожидании этого дня они только и думали, что о девушках, и вот они уже ждут, да какие девушки!

Князь Вершина сейчас имел в живых семь сыновей и пять дочерей, рожденных в общей сложности четырьмя женами. Когда-то у него был брат Ратислав, но умер всего через год после женитьбы, оставив юную вдову, Любовиду, и маленького сына. У Вершины к тому времени уже была княгиня Велезора, и Любовиду он взял младшей женой. Ее ребенок умер маленьким, но уже будучи за Вершиной, Любовида родила еще двоих сыновей и трех дочерей. Молинка была из них старшей и шла по порядку после Лютавы, но совершенно на нее не походила, ибо удалась в свою мать. Невысокая, полноватая – в самую меру, приятных округлостей, как говорил равнодушный к ней Бережан, – с толстой темно-русой косой, с белым лицом, ярким румянцем.

Но не терялась рядом с ней и Далянка – дочь прославленного рода, к тому ж такая красавица, что считалась самым красивым цветком в весеннем венке Ратиславля.

– Девушки! Вы за нами! – загомонили бойники. – Заждались небось! Здравствуй, Далянка!

С самого рассвета парни пребывали в лихорадочном волнении, только проявлялось оно у всех по-разному: одни громко и подробно живописали, чего ждут от Ярилиных игрищ, другие молча то краснели, то бледнели. И только младшие просто галдели и резвились, радуясь большому празднику, нарушившему однообразие обыденной жизни.

Смеясь, девушки отвечали на приветствия и не сразу разглядели среди парней Лютаву. Она шла последней и на ходу торопливо расправляла кисти пояса, приглаживала волосы – русые пряди образовывали на ушах как бы петли, на которых сверкали вычищенные к

празднику серебряные заушницы. Эту прическу особенно любили девушки-вятчанки, и на Угре она в последние годы приживалась, тем более что мать Лютомера и Лютавы тоже была вятчанкой с Жиздры, верхнего притока Оки. На юной волхве была новая вздевалка, ради праздника отделанная тонкими полосками красного шелка: снятые со старой вздевалки, они были уже порядком потертые.

– Посмотрите, у меня там все ровно? – вместо приветствия обратилась она к подругам, пытаясь на ощупь определить, как лежат на волосах заушницы. – А то с этой оравой разве что путное сделаешь? Приду сейчас вся кривая-косая, как кикимора, люди засмеют.

– Да ты столько собиралась, мы уже хотели без тебя идти! – отозвалась Молинка, пока Далянка осматривала прическу и очелье Лютавы. – Еще чуть-чуть – и как раз на Купалу бы успела!

– Ага, вам хорошо! У тебя два брата, у Далянки три, а у меня вон, и не сочтешь! – Лютава махнула рукой на свою стаю, зазвенев бронзовыми бубенчиками на браслете. – Требила, не трожь волосы! – прикрикнула она на парня, который от волнения все норовил взъерошить свои старательно уложенные кудри. – И так два гребня об тебя обломала! И каждый: Лютава, пришей! Лютава, зашей! Лютава, помоги! Вроде здоровые лбы, в драке не теряются, а как на игрища, так словно дети малые!

– Кто бы говорил! – огрызнулся Требила, но, однако, спрятал руки за спину. – Матушка нашлась!

– Да ладно тебе, не бранись! – сказал позади низкий голос, и девушки невольно вздрогнули – как всегда, они не заметили, как появился Лютомер. – Целый год дожидались, пока опять Ярилины дни придут, вот парни и раздухарились. Вон, Милята как покраснел с утра, так еще и не отойдет!

– Видно, сон хороший видел! – дополнил Хортомил.

Парни захохотали, стали наперебой описывать, что именно Милята видел во сне, заглушая его возмущенные оправдания, что он-де и не думал краснеть, а кто в этом сомневается, сейчас сам у него покраснеет.

– Ну, вырядились, ну, птицы ирийские! – прозвучал поблизости женский голос. – Жениться, что ли, полетели, соколы? Тебе, Прочко, рановато, не упекся еще твой каравай!

Обернувшись на голос, бойники стали кланяться:

– Здравствуй, мать Темяна!

Старшая волхва направлялась за своей долей жертв, которые сегодня будут приносить Велесу. Бойники тронулись в путь по широкой тропе, рядом с Темяной остался только Хортогость – рослый, широкий, немного сторбленный мужик лет пятидесяти, с широкой черно-пегой бородой. Стоя под деревьями, он провожал парней взглядом, полным застарелой тоски.

В молодых годах с ним случилось большое несчастье: вернувшись из бойников и женившись, он в первую же зиму подрался со старшим братом и нечаянно его убил, после чего ему уже никак невозможно было дальше жить в роду и пришлось вернуться в лес, уже навсегда. Во всех стаях были такие «вечные волки», по той или иной причине навсегда разорвавшие связи с семьей. Иные из них жили при своей родовой стае, обучая молодых волчат, а иные сбивались в свои стаи, с такими же изгоями. Этих называли «отреченными волками», и ничего не было страшнее этих стай. Вечно кочуя по бескрайним лесам, никому не свои, они нападали на небольшие незащищенные поселения, грабили, уносили припасы, уводили скот, хватали женщин. При случае на них устраивались настоящие облавы, как на

бешеных волков. Их считали всех поголовно оборотнями – ведь человек, вырванный из человеческого мира, уже вовсе и не человек.

– Ты смотри, Хортога, что делается! – Бабка Темяна взмахнула клюкой, где на верхушке была вырезана голова лебедя – священной птицы Марены. – И это «волки» называется! Совсем молодежь распустилась – на праздники к людям ходят! Куда только белый свет катится! Нарядились да пошли!

Во времена их юности разрыв между «волками» и обычными людьми был гораздо больше, и лишь при последних поколениях граница постепенно стала сглаживаться.

– Да ладно, что делается-то? – примирительно отозвался Хортогость. – Они же оружия на людях не носят, а если задерется кто, то свои же уймут. А Докуку Лют брать не велел, пусть сидит, котел чистит, раз такой дурной.

– Чего да чего? – насмешливо ворчала бабка. – Скоро докатимся – гостей будем на Остров водить! И так вон дорогу протоптали, хоть на санях езжай! Никакого уважения! Ну какие ж они волки? Звание одно! Скоро ночевать домой ходить начнут, а там от бойничества и памяти не останется, басни одни!

– Ну ладно, они ж ребята молодые! Повеселиться и волкам хочется! Того... поплясать... – бормотал Хортога, давно забывший всякие пляски.

– Вот подрастут, к родителям вернуться, тогда бы и веселились! А то – волки, а к людям на праздник ходят! Какие же это волки!

Продолжая ворчать, старуха направилась вслед за ушедшими бойниками. Хортогость вздохнул и побрел назад к землянкам.

Путь лесных побратимов лежал к Перунову дубу, расположенному на пригорке над рекой неподалеку от Ратиславля. Там же стоял белый конь, бросааясь в глаза издалека, будто сошедшее на землю облако.

– Ой, смотри, все собрались уже, быстрее! – Молинка, заметив толпу в беленых нарядных рубахах, побежала вперед, потом обернулась, в нетерпении подпрыгивая и звеня подвесками в ожерелье. – Далянка! Из-за тебя не начинают. Давай бегом! Весну проспим, Ярилу упустим, ты понимаешь, что с нами за это сделают?

– Да не упустим, ладно тебе! – ответила Далянка, однако прибавила шаг. – Ярило-то сам с нами.

Молинка оказалась права: их ждали с нетерпением, и когда ватага бойников показалась из леса, толпа забурлила, раздались приветственные крики, угряне замахали руками, закричали, призывая их поторопиться. Старшая Макошина жрица Молигнева, сестра Вершины, держала на вышитом полотенце свежий каравай из последнего прошлогоднего зерна и пучок сухих ячменных колосьев. В честь праздника она нарядилась в лучшую сорочку и наверхник с вышивкой, в праздничную поневу, затканную знаками земли и засеянного поля, а на голове ее красовался старинный убор с рогами вроде коровьих, на которых висели кисточки из красных нитей. Имеющая шестерых здоровых детей и четверых внуков, полная, пышущая здоровьем и жизненной силой, старшая жрица воплощала саму Макошь угренской земли. Причем ее младшие дочери еще не вышли замуж, а стало быть, и саму Молигневу в старухи было зачислять рановато – многие мужики с удовольствием поглядывали на ее мощную грудь и широкие бедра.

– Далянка! Где ходишь! – закричал старший сын Молигневы, Солога, призывно размахивая руками. – Мы уж думали, тебя волки съели! Хотели уже Премилку вести!

– Иду я, иду! – Далянка подбежала к жрице.

Бойники тем временем смешались с толпой, каждый из подростков кинулся к своим родичам. Теперь, когда желание повидаться с матерью уже не расценивалось как измена братству и не каралось смертью, «волки» довольно часто виделись со своей родней, но все же женщины охали, обнимали сыновей, расспрашивали, как жизнь в Острове. Отцы радовались, как хорошо растут и крепнут их отпрыски, допытывались об успехах, вспоминали время своего бойничества. Там и здесь раздавалось: «Ну, совсем здоровый парень вырос, скоро женить пора! Когда домой-то вернешься, а, соколик?» В старинных песнях, которые Лютава знала множество и пела побратимам зимними вечерами, часто говорилось об этом – как мать и отец уговаривают бойника не возвращаться к братьям, остаться с ними, даже опаивают его сонным зельем, чтобы забыл братство... И все это очень печально кончается!

Молигнева с помощницами водрузили Далянке и Лютомеру на головы заранее приготовленные венки из цветов и зелени, такие огромные и пышные, что из-под них не было видно лиц, да и сами они почти ничего не видели. Такими же пышными травяными жгутами их опоясали, еще по одному венку надели на шеи. Поскольку покровителем бойников является Ярила, то «Ярилу» на весенних праздниках по обычаю выбирали из них. Уже десять весен Лютомер ходил по полям в пышном венке, держа за руку самую красивую девушку волости. Три последних года это была Далянка, и бабы всей округи ждали, что ее-то он и возьмет за себя, когда наконец объявит о возвращении из леса в семью.

И только один человек не мог смотреть на эту статную пару в пышных венках – княжич Хвалислав. Лютомер несокрушимой стеной стоял на пути ко всему, в чем он видел свое счастье: к угренскому столу и к Далянке.

Князь с одной стороны, Молигнева с другой взяли Лютомера и Далянку за руки и повели по тропе в поля. Толпа молодежи и женщин двинулась вслед за ними.

Ярило-Ярила, яви свою силу сила! —

первой запела Молигнева.

Ярила по полю ходит,
Весну красну деву водит,
В землю семя роняет,
Нежить прочь прогоняет,
В небе солнцем играет,
Живушку закликает!^[5]

И вся толпа дружно отвечала ей:

Ярило-Ярило, яви свою силу!
Ярило-Ярило, яви свою силу!

Дойдя до первого поля, шествие остановилось. Лютомер схватил Далянку в объятия и покатился вместе с ней по всходам на краю поля. Другие парни тоже похватили ближайших

девушек и принялись кататься. Стоял визг, крик, смех, женщины хлопали в ладоши, иной раз покрикивали, чтобы «Ярилы» не заходили далеко в поле и не слишком мяли драгоценные ростки.

Поднявшись на ноги, уняв головокружение, со смехом поправили травяные и цветочные уборы, потом двинулись дальше. На каждом поле шествие останавливалось, вокруг Ярилы и Лели выстраивался хоровод, угряне плясали и пели:

Ходил-бродил Ярила по всему белу свету,
Полю жито родил, а людям чады плодил,
Куда Ярило ногою, там жито копною,
Куда он взглянет, там ярь взыграет!

Ходить предстояло долго, и хватало этого занятия почти на весь день. На пути чередовались давно покинутые поля, где уже шумел распутившейся листвою молодой лес, недавно оставленные лядины, где только топорщились кусты и всякая сорная трава, потом подходили наконец к «новому полю», где по обочинам еще виднелись серые груды золы и чернели угли, а на самой пашне зеленели молодые всходы ячменя или ржи. Далее лежал «подчерченный» участок, где подрубленные деревья сохли на корню, потом опять давно заброшенный кусок земли, и все сначала.

Когда приблизился вечер, охрипшая от пения Лютава уже не чуяла под собой ног. Молодые мужики и парни бились на кулаках, старшие смотрели, подбадривая сыновей и внуков, подъедая остатки жертвенного мяса, пили медовуху, пуская братину по кругу, пели песни хмельными голосами. Это был первый из велик-дней, который отмечают не в тесной общине, а на вольном воздухе, и никто не хотел уходить под крыши.

Молодежь, слегка передохнувшая после обхода полей, тем временем подтянулась на Ярилину плешь – так называлась широкая поляна над рекой. Парни уже развели несколько костров и приготовили колесо, обмотанное соломенными жгутами и обмазанное смолой, чтобы носить его на шесте. Все были усталые, но возбужденные песнями, медом и хороводами; праздничные сорочки покрылись пятнами пота, земли, золы и травяной зелени; венки помялись и поникли, но расходиться никто не собирался. Продолжались хороводы и песни, затевались игры: вспотевшие от бега, разгоряченные парни и девушки гонялись друг за другом, от Ярилиной плещи далеко разносился визг, смех, крики. Бойники веселились больше всех – сегодня им можно обнимать девушек и знать, что за это ничего не будет. А уж дальше – кто как договорится...

Набегавшись, Лютава ушла с поляны в лес – ей хотелось отдохнуть. Кто-то увязался за ней, но она повела руками, затворяя свой след – и ее потеряли из виду. Такую малость она могла проделать даже во сне. Сейчас ей хотелось побыть наедине с лесом, землей, стоявшей в шаге от наивысшего расцвета. Обряды, заклинания, песни и хороводы этого дня взбудоражили ее, она словно раскрылась навстречу потокам силы и чувствовала себя березкой, насквозь продуваемой теплым ветром. Сердце разрывалось от пронзительного чувства любви к богам, которые создали и оживили своим присутствием этот дивный земной мир. Без слов, одним сплошным потоком силы сердце пело об этой любви, и, мысленно прикасаясь к ним, Лютава ощущала мощный ответный позыв. От этого слезы текли из глаз, по телу пробегала горячая дрожь, и казалось, что теплая вода струится по рукам и чистые,

сверкающие капли падают с кончиков пальцев и орошают траву. Было немного страшно – казалось, так и растворишься без конца и никогда уже не сумеешь собрать себя прежнюю воедино, но это же чувство слияния с миром дарило ощущение такого восторга, что захватывало дух.

Она стояла, прижавшись к толстой старой березе и закрыв глаза, и вдруг почувствовала, что рядом кто-то есть. Конечно, *он* должен был прийти сегодня, и сердце замерло в радостной надежде – а что, если сейчас? А вдруг срок пришел и она наконец узнает свою судьбу, встречи с которой ждет уже долгих шесть лет...

Она, Лютава, угренская княжна и волхва, ждала своего суженого, как и всякая девушка. Но того, кто сейчас к ней приблизился, открытыми глазами увидеть было нельзя, поэтому она продолжала стоять, обняв березу и прильнув к ней всем телом.

И где-то там, между закрытыми глазами и корой березы, чуть ниже макушки и слева, нарисовался образ громадного волка – черного как ночь, с тлеющими в глазах красными искрами. Впервые она увидела его шесть лет назад, но и сейчас всякий раз перехватывало дыхание и по телу лилась горячая дрожь.

– *Здравствуй, лада моя!* – зазвучал в душе голос, и не голос, просто смысл, проникающий сразу в сердце, минуя уши. Незримый гость вошел в ее душу по тем тайным дорожкам, которые она нарочно оставляла для него – тонкие косички в распущенных волосах, особые ремешки с бубенчиками, свисающие с пояса, – и которыми не мог воспользоваться иной гость, незванный. – *Все хорошеешь, я вижу. Как березка растешь, распускаешься, красотой расцветаешь.*

– *Здравствуй, друг мой сердечный!* – так же мысленно ответила Лютава. – *Что скажешь? Чем порадуешь? Не пришел еще срок? А то ведь Ярилино время, самая пора... Скажи, ведь в этом году срок настанет?*

– *Нет, лада моя,* – ответил дух, и Лютаве чудилась в его голосе печаль, не присущая обитателям Нави. – *Не пришел еще срок. И я сам рад бы, да судьба не велит. Жди.*

– *Тяжело ждать, друг мой,* – вздохнула Лютава, стараясь подавить горькое чувство разочарования. – *Все гуляют, веселятся, а я одна в стороне стою. Время идет – и не заметишь как. На меня люди косятся – в мои года у других по двое детей, а я хожу, как колода замшелая, не взгляну ни на кого.*

– *Потерпи, березка моя. На людей не гляди. Срок настанет...*

Неслышимый голос умолк, черная тень в сознании исчезла. Охватило ощущение пустоты и одиночества, но стало легче дышать, словно какой-то тяжелый груз свалился. Говорить с жителями Нави – всегда тяжелая работа. А еще это страшно. За шесть лет Лютава так и не смогла полностью к этому привыкнуть. Бабка Темяна, ее вторая после матери наставница, говорила, что к этому не привыкают никогда. Гость из Нави всегда приходит не в дом, а в душу живого. Можно обезопасить себя от злых пришельцев, можно научиться впускать гостей так, чтобы они не причинили вреда, но всегда, даже у старых опытных волхвов, присутствие чужого внутри души вызывает неодолимый ужас. Всегда есть опасность, что именно сейчас не хватит сил его проводить вон, и ты уже никогда не будешь принадлежать себе. Даже опытный и сильный пловец знает, что может утонуть, потому что вода всегда сильнее человека.

И чем моложе волхв, тем больше опасность. Старики за время жизни пускают в почву крепкие корни, а молодому еще так легко оторваться и улететь... Он сам еще нетвердо знает, что его истинная родина.

Лютава медленно подняла веки, но зелень ветвей и белизна стволов поначалу казались призрачными, прозрачными, и через них отчетливо просвечивали темные глубины Нави. Там жил ее дух-покровитель, ее защитник и помощник. Когда-то очень давно он принадлежал живому человеку по имени Радомир, сын Волкашин, из числа предков-основателей материнского рода Лютавы. Он был покровителем самой Велезоры и много лет назад помог ей переломить судьбу, обрести то, что ей не полагалось. За это он взял плату – на первый взгляд небольшую. У Велезоры должна была родиться дочь, которая сама, в свою очередь, станет матерью сына – и в этом сыне Радомир Волкашич вернется в мир живых.

Почти в каждом ребенке возвращается в Явь кто-то из предков, и подобный зарок – возродить ушедших – исполняет почти каждая женщина-мать. Но Лютаве предстояло ждать, пока черный волк Нави укажет ей мужа – тоже из числа его потомства, чтобы Радомир мог вернуться, когда две ветви древнего рода вновь сольются в одну.

В двенадцать лет Лютава, едва надевшая поневу, легко согласилась ждать. Но вот прошло шесть лет, а ожидание все длилось. Ей казалось, что сам Радомир знает, кто ее будущий муж и где он. Но несмотря на все просьбы, ей этой тайны открыть не хотел.

Прижимаясь к березе, Лютава снова закрыла глаза и попыталась представить его, своего неземного гостя, в облике человека – каким он был, когда двести лет назад жил на берегах великой Дунай-реки и водил свою дружину в набеги на греков и обров. Об этом было длинное сказание, и его Лютава слышала от матери еще в колыбели. Она знала о своем покровителе все: как затряслась земля сырая, всколебалось море синее, задрожало царство Греческое, когда родился на свет могучий витязь Радомир, Волкашин сын. Как желал, чтобы не пеленала его матушка в пелены шелковые, а пеленала в бронь булатную да золотой шелом. Как в десять лет от роду учился он мудрости обертываться ясным соколом, серым волком да гнедым туром – золотые рога. Как в двенадцать лет стал себе дружину прибирать...

Но сколько Лютава ни слушала, а потом ни повторяла это сказание, облик Радомира ускользал, не давался мысленному взору. Прежнего облика у него давно уже не было, а новый еще не соткался из пряжи Рожаниц. И пока этого не случилось, Лютава была пленницей зарока, данного еще до ее рождения.

За деревьями послышался шорох, шум шагов по высокой траве, но Лютава, увлеченная своими мыслями, не сразу услышала. Рядом кто-то остановился: очнувшись, она уловила тяжелое усталое дыхание. Ее пришедшие видеть не могли: Лютаву заслоняла толстая береза и раскидистый ореховый куст.

– Да ну... пусти! – раздался мягкий девичий голос, и она узнала Далянку. – Пусти, говорю!

Задыхающийся мужской голос назвал девушку по имени, и Лютава его тоже узнала. Рядом был Хвалислав, ее сводный брат.

– Ну, что ты? – прерывисто дыша, шептал он. – Сейчас можно. Никто не скажет...

– Мало ли что можно? Пусти. Пойдем на поляну.

Раздался шелест ветвей. Лютава, окончательно стряхнув марь Нави, выглянула из-за березы и сквозь ветви орешника увидела эту пару – Хвалислав держал Далянку за руки и не давал ей пройти, пытался обнять, а она противилась, мягко, но весьма решительно.

И Лютава вспомнила о вчерашнем: как сама же выгнала из сердца Далянки дух-подсадку, который внушал ей любовь к Хвалису. Но он-то не знает о том, что ворожба не удалась! Лютава снова почувствовала гнев.

– Далянка! Я тебя люблю! – настойчиво шептал Хвалис, пытаясь прижать ее к себе и

пожирая глазами. – Мне другого никого не надо.

Неудивительно, что парень не мог справиться с собой – стройная, статная, шестнадцатилетняя девушка, в самой поре, как говорят, с ярким румянцем на белой коже, Далянка была прекрасна, как вила. Она словно родилась из блеска воды под солнцем, из пляски зеленеющих ветвей под свежим весенним ветерком и казалась истинной богиней этой земли, вобравшей всю ее расцветающую красоту.

– Ой, Хвалис, да ведь говорили уже про это, ну, хватит тебе! – Эти речи Далянка выслушивала от него уже года два. – Зачем опять начинать? Не томи себя, забудь!

– Да как же я забуду! Еще скажи – дышать забудь! И чем я тебе плох? Отец мою мать любит, как всех других жен вместе не любил и любить не будет! Как я тебя – одну тебя и навсегда! Он мне наследство оставит такое, о каком прочие братья только мечтать могут! И мне теперь не простая нужна жена, а знатная, из такого рода, чтобы среди жен была самая первая. А это – ты!

– Замолчи! – Далянка наконец вырвалась и отступила. – Далеко же ты, сокол, мыслями залетел!

– Это правда! Так все и будет, вот увидишь! Мы бы осенью и свадьбу...

– Нет! – решительно ответила Далянка. – Не надо такое говорить. Не могу я за тебя идти, и отец меня не отдаст.

– Что – отец? Мы его спрашивать не будем. После Купалы объявим – что он сделает?

– Я не хочу! Я за тебя не пойду. И не говори мне больше об этом.

– Но почему? – Хвалислав шагнул к ней, и его лицо стало жестким.

– Сам знаешь. – Далянка отвела глаза.

Сейчас Хвалис ее пугал. Как и мать, его можно было бы назвать красивым, если бы славянам его вид не казался слишком непривычным и чуждым. И сейчас в правильных чертах его лица сквозила решимость, близкая к ожесточению, карие глаза пылали огнем.

– Да вы-то чем меня лучше? – с гневом отвечал Хвалис на ее невысказанные намеки, и видно было, что он и сам много раз об этом думал. – Ты сама-то кто? Твоя мать – кривического рода, а отцовский род – из голяди! И Воловичи такие же! И сами Ратиславичи – или у нас голядок в роду нет? Все мы здесь полукровки – и ты, и я, и сам князь! Так чем я хуже вас? Чем я хуже других? Хуже Люта?

– Это другое дело. Голядь этой землей искони владела, кривичи с ней уже не первый век живут, мы с ними родня. А вы...

– Ну так и что же? – с возмущением отозвался Хвалис. – Или я теперь не человек? Отец меня любит. Побольше иных любит, как будто ты не знаешь! Он меня в обиду не даст. И кто угренским князем будет – тоже еще неизвестно. Так что смотри, не прогадай.

– Ты князем думаешь быть? – изумилась Далянка.

– А что – не веришь?

– Да ты даже в бойниках не был!

Она сказала правду: когда Хвалису исполнилось двенадцать лет и ему пришел срок, как всем отрокам, уходить в Остров, Замиля не отпустила его. Твердила, что ее сын слишком слаб и не выживет в лесу без заботы родителей. Хвалис, хоть и был на самом деле не слабее прочих, не стал особенно спорить. Нужно обладать завидным мужеством, чтобы решиться уйти в лес, в стаю, где все тебе чужие и никто тебя не любит, и пытаться добиться уважения только своей собственной силой, отвагой и решимостью. В случае неудачи он заплатил бы жизнью. Бывало порой, что бойники погибали: охота, походы, учебные схватки, козни лесной

и водяной нечисти, да просто ссоры или шалости растущих парней, – очень многое в лесной жизни грозило безвременной смертью неопытным, незрелым, но вздорным, как все в этом возрасте, отрокам, которых некому вразумить, одернуть, ввести в берега. Вожак и старшие бойники следили за молодыми и старались предотвращать несчастные случаи, но в лесу никто не будет, как мать и нянька, ходить за ребенком и оберегать от малейшего беспокойства. И если кто-то погибал, это считалось только собственным делом стаи и больше ничьим.

Князь понимал, что его второй сын, которому он старался дать права свободного родича, совершает ошибку. Если бы Хвалислав пошел в Остров, как другие юные Ратиславичи, и сумел стать своим для Борони, Славяты, Дедицы, Хортомила и прочих, то его отчуждение навсегда закончилось бы и на цвет его волос никто бы уже не обращал внимания. Но Замиля причитала и рыдала целыми днями: «Аллах отнял у меня уже двоих детей, ты хочешь лишь меня моего первенца, моей отрады и надежды!» – и в конце концов Вершина уступил.

В итоге все осталось без перемен: Хвалис был жив и невредим, но от молодых Ратиславичей, прошедших через Остров как положено, его теперь отделяла еще более высокая стена, чем в детстве. Даже мальчишки, кому двенадцати еще не исполнилось, дразнили его – дескать, кто в Острове не бывал, тот навек малец беспортошный!

– А что бойники! – в гневе закричал Хвалис, которому сразу вспомнились все эти насмешки. – Только там мужчиной быть учат! Да я и без бойников такое умею! Сейчас увидишь!

Схватив Далянку в объятия, он попытался опрокинуть ее на траву. Девушка вскрикнула. Тут Лютава выскочила из-за куста и гневно крикнула:

– А ну отпусти ее! Ярь заиграла, так я тебе сейчас оторву, в чем играет!

Хвалислав обернулся и разжал руки; на его лице отразились злость и досада, на лице Далянки – облегчение. Лютава смотрела на него с гневом и негодованием: ее решительный вид и крепкая, ловкая фигура выражали готовность, если надо, не ограничиться одними словами.

В глазах Хвалиса горела такая ненависть, что, казалось, вот-вот взглядом он проткнет Лютаву насквозь. За ней стоял тот самый Остров, воплощавший его бесправие. Лютава видела: он готов ее убить. Но слишком близко была поляна, люди, а их тут две – с двумя сразу не справиться. И это если не думать, что с ним потом сделают бойники, спрячься он хоть в само Хвалынское царство...

– Выследила... волчица! – задыхаясь, бросил Хвалис и пошел прочь.

Его черноволосая голова и спина в белой праздничной рубахе скрылись среди зелени. Лютава и Далянка молча переглянулись.

– Небось матушке жаловаться побежал! – презрительно обронила Лютава.

Но Хвалислав не собирался жаловаться матери: он уже давно вырос и ее чрезмерная опека его раздражала. Сейчас он не хотел видеть ни мать, ни кого-либо другого. На луговине еще разносилось пение вразнобой – каждый уже пел свое, раздавался смех, но народу возле догорающих костров поубавилось, только Лютомеровы бойники еще плясали в хороводе с девушками.

– Не грусти, сокол ясный! – произнес за спиной тихий женский голос.

Вздрогнув от неожиданности, Хвалислав обернулся. Позади, в тени опушки, стояла Галица.

– Чего пришла? – буркнул Хвалислав. – Тоже жениха себе ищешь? Вон, поди из волков

кому-нибудь подмигни: им девки не дают, они и тебе рады будут!

– Не за ними я пришла, а ради тебя, – шепнула Галица и села на траву позади него, словно прячась от взглядов за спиной своего молочного брата. – Ну, что? Ты ходил к ней?

– Ходил! – Хвалис в досаде хлестнул по траве сорванной веткой. – Не вышло ничего! Зря пропала твоя ворожба!

– Не могла моя ворожба пропасть. – Галица покачала головой. – Разве что помешали...

– Лютава тогда виновата. Волчица лютая!

– Она могла... – задумчиво согласилась Галица. – Она могла увидеть... Ну да не беда – на нее найдется управа. Не печалься, сокол мой, скоро все желания твои сбудутся. Ступай лучше в кругу попляши, чтобы люди не косились.

Она отступила назад и неслышно растворилась в темнеющем лесу. Хвалислав поднялся и неохотно побрел к кострам, тщетно стараясь придать лицу такое выражение, будто ничего не случилось. На его счастье, к нему никто сейчас не присматривался.

Впереди раздались дружные крики: подожженное колесо подняли на шест и понесли вдоль реки. Искры летели по ветру, будто грива Ярилиного коня, на котором торжествующий юный бог странствует по миру. Теперь он будет расти и зреть до Купалы, а потом старого Ярилу похоронят и примутся ожидать нового. Но пока Купала впереди, надежды терять не следует.

В эти дни Лютомер и Лютава часто приходили с Острова в Ратиславль. Гостиловский княжич Доброслав держался вежливо, хотя без особой сердечности, и даже на хороводы красивых угренских девушек, которые сейчас, в русалий месяц кресень, устраивали гулянья у роши каждый вечер, смотрел равнодушно.

Куда охотнее он беседовал с Лютомером. Как старший предводитель всех угренских бойников, тот мог собрать воедино ватаги, разбросанные по материнской реке и притокам, и тогда под его началом оказалось бы несколько сот человек. И если он на вече выскажется за поход, его поддержат и многие из мужчин, живущих дома. Хотя бы из убеждения, что поход, в который идет Лютомер, благословлен богами.

– Тебе ли дома прохлаждаться! – убеждал Доброслав. – Ты еще у сестры веретено попросил бы и к прялке сел! Здоровый мужик, и людей у тебя много. А еще ты ведь... волховной хитростью владеешь? – Доброслав пристально взглянул на Лютомера.

На самом деле он слышал и то, что его собеседник – оборотень, но прямо спросить об этом не решился.

– Мало ли чего говорят? – Лютомер усмехнулся, прищурившись. – А у нас говорят, что хазары до верховий Дона иной раз доходят, пока их остановят.

– Если пройдут в верховья Дона, то там по Оке и до Угры им недалеко. Я тебя хазарскими городами и соблазнять не буду – о своем доме подумай.

Находились среди угрян люди, которые весьма охотно прислушивались к речам вятичского княжича. В основном это были главы богатых родов, у которых за зиму набиралось излишки мехов, имелись запасы меда и воска, которые можно выменять у хазар на дорогие ткани, красивую посуду, серебро. Собираясь по вечерам в обчину, толковали: дружба с вятичами и даже война с Хазарией могли принести выгоду. Успешная война, разумеется, после которой славянские купцы получают возможность приезжать в хазарские города и торговать там сами, а не сдавать все на рубежах хазарским купцам по их ценам.

Но старики этих мечтаний не одобряли.

– Боги каждому роду свою землю указали, вот ее и надо держаться, – говорил Велетур, внук Ратислава Старого и самый древний из нынешних жителей Ратиславля. – Что нам нужно, то сами добудем, а что там на болгарских торгах продается, нам без надобности. Боги велели человеку своим родом жить.

– Ну и пропадайте тут в своем болоте! – однажды сорвался Доброслав. – Не понимаете вы, что нынче уж не те времена, когда каждый своим родом жил и забот не знал! Рада бы курица нейти, да за крыло волокут! Сидите тут в лесу, как пни замшелые, и не знаете, что на белом свете делается! Русы уж чуть ли не сто лет от своих морей до хазар по Юлге-реке ходят, а теперь, говорят, будто и по Днепру дорога есть прямо к грекам. Хазары уж сколько лет половиной света белого владеют. Если не дадим им отпор, скоро сами будем им дань платить, да не бобрами и куницами, а парнями и девицами! Тьфу, сам тут как в кощуне заговорил! Ты, княже, хочешь своих дочерей в жены хазарскому кагану отдать? А чтобы честь и землю свою сохранить, встать нужно вместе! Чего же тут не понять? Что вы, как ребята малые: не хочу, и хоть ты тресни!

Бородатые старцы во главе с самим князем молчали. Речь Доброслава смущала их: слишком трудно было представить все то, о чем он говорил. О далеких землях они знали в

основном от купцов с Полуночного моря, которые действительно уже довольно давно повадились пробираться по рекам на жаркий богатый Восток. Дань, которую собирали со своих владений большие и малые князья, шла на содержание святилищ, на устройство больших обрядовых пиров, на обеспечение войска, если случится воевать, на помощь голодающим после неурожая. Но если оставались излишки, их князья охотно продавали купцам в обмен на яркие шелковые одеяния, расписную хвалынскую посуду, бусы из медового камня-сардия или пестрого блестящего стекла. Из восточных монет домашние умельцы отливали серебряные подвески, заушницы, перстни, обручи. Князья и воеводы снаряжались привозными шлемами, бронями, мечами.

Но все это были редкости, яркие цветы среди серо-бело-бурого моря домашних тканей и глиняной посуды, вылепленной руками своих же баб. Если князь ради дружбы дарил кому-то из старейшин кусок потертого шелка или хазарский перстень, это хранилось в поколениях, вместе с рассказом о столь знаменательном событии. Хазарская земля, откуда все эти чудеса приходили, была в мыслях угрян столько же далекой и дивной, как Золотое, Серебряное и Медное царства из сказаний. А тут вдруг зовут ее воевать, обещают открытые торговые пути... Видать, за простачков держат.

– Куда нам-то в хазары... – пробормотал Толига, тоже князев родич и кормилец Хвалиса. – Стрый Велетур верно говорит: что нам надо, мы добудем. А чего не добудем, того нам не надо.

– С вами говорить, что об дуб лбом биться! – От досады Доброслав позабыл даже об учтивости. – Вот только уж веча дождусь, потому что отец мой мне наказ дал от всего племени угрян ему ответ привезти. А пока веча не собралось, что попусту говорить – воду в ступе толочь. Не погневайся, если по глупости что не так сболтнул!

Он размашисто поклонился в пояс, но в его поклоне все увидели скорее издевку, чем почтение. Доброслав вышел, но Ратиславичи не сразу заговорили. Его вызывающая речь ошеломила старейшин, и только Велетур сидел с таким видом, что, дескать, я ничего другого и не ждал.

– Вы уж не гневайтесь на него, отцы, – среди общей тишины попросил Толига. – У мужика о родной земле сердце болит. Хазары, говорит, до верхнего Дона доходили. Пршшое лето они воевали и нынешним летом будут воевать. Пока он тут сидит, его братья, может, уже сражаются, а жену молодую в полон ведут.

– Но мы его жену отбивать не пойдем. – Князь покачал головой. – Мы ему сейчас, допустим, войско дадим, а как оно уйдет, к нам сюда от смолянкой княгини люди явятся. Нет, нам сперва себя защитить надо, и не от хазар, а от кого поближе. Я и на веча так скажу.

– Да ведь... – начал Русила, глава богатого рода, тоже любитель заморских диковин.

– Знаю, знаю! – Вершина махнул на него рукой. – Ковры, шеляги серебряные, шелка многоцветные! Знаю, хочешь, а жены так и вовсе поедом едят. Ты вот что, Русила! – его вдруг осенила мысль. – Бери брата твоего Радяту, снаряжай лодьи да отправляйся к смолянам! Там по Днепру до греков, говорят, ездить стали, там и продашь твои меха! Греческие шелка ничуть не хуже хазарских. А заодно и визнаешь, как там дела, нам потом расскажешь. Что, хорошо я придумал, Ратиславичи?

– На умную мысль тебя боги навели! – одобрил Богорад.

Двоюродный брат Вершины был крупным, решительным мужиком с низким голосом, умным и очень уважаемым в роду. Семеро его сыновей, как грибы-боровики, были все так похожи, что их едва различала мать. Трое старших уже жили своим домом, основав новую

весь, поскольку близ Ратиславля не хватало земли.

– Надо вызнать, как у смолян дела при новой-то княгине. И чего к нам послов не шлет, или забыла про нас? Вот и пусть Хотеновичи едут. Им выгода, и всем угрянам польза. Что, беретесь?

– Беремся, – отозвались Русиля и Радяты, переглянувшись.

Они вдвоем управляли многочисленным родом Хотеновичей и сами были не прочь съездить на Днепр. Может, выгоды те же, а все-таки не воевать...

* * *

Доброславу и в голову не могло прийти, что у него есть в Ратиславле тайный союзник. Вечером того же дня Галица проскользнула в избу Замили. Хозяйка уже собиралась ложиться: не зажигая лучин, в одной сорочке она сидела на лежанке, а Новица расчесывала ее длинные, густые, угольно-черные волосы, продернутые белыми нитями седины.

– Уж прости, матушка, что тревожу тебя! – заговорила Галица, низко кланяясь и по привычке широко улыбаясь.

К счастью, в полутьме никто не видел ее глаз. За многие годы Галица научилась угодливо улыбаться и низко кланяться, иначе ей было бы трудно выжить среди чужих. Долгие годы угодничество служило ей почти единственным оружием.

– Прости, что тревожу. Позволь поговорить с тобой чуточку. Я надолго не задержу.

– Ну, ладно, – с неохотой согласилась та и сделала Новице знак, чтобы вышла.

Челядинка охотно оставила свою работу и направилась к двери, по пути сунув в руки Галице гребень – дескать, дальше сама чеши.

Галица плотно закрыла за ней дверь и прислушалась, желая убедиться, что женщина действительно ушла. В клети было сейчас пусто – и Амира, дочь хвалиски, и Найден, последний ее холоп, отправились на луговину смотреть игрища.

– Только дело-то у меня такое, что ждать не может! – заговорила Галица, подойдя к хозяйке и принявшись расчесывать ей волосы. – О тебе ведь я забочусь, душа ты моя, звездочка моя небесная! О тебе и о сыне твоём, о соколе нашем ясном.

– Ну, что там случилось? – недовольно спросила Замиля. – Поздно уже! Князь может прийти. До утра не потерпишь?

– Князюшка в обчине сидит, с отцами разговоры ведет. Если упустим Жар-птицу нашу, после не поймает!

– Какую такую Жар-птицу? Что-то я не видела ее.

– Здесь она, Жар-птица наша, на луговине в шатрах живет.

– Ты опять про вятичей? – сообразила Замиля.

– Княжич-то гостилковский хочет князя нашего уговорить войско им дать, чтобы с хазарами воевать. А князюшка воевать не желает. Значит, вятичскому князю на Угре друг нужен верный, чтобы помог. Помнишь, я говорила? Надо, чтобы сокол наш ясный таким другом ему стал. Пусть он у отца попросит войска и идет на Дон. Там и славу добудет, и добычу, и жену знатную – тогда кто же еще князю нашему наследовать будет, как не он?

– Что ты! – Замиля даже обернулась, и Галица невольно дернула ей волосы. – Вот дура косорукая! – Хвалиска оттолкнула ее. – Ты что, голову отшибла? Хочешь, чтобы его убили там, соколика моего!

– Да зачем же его убьют? – убеждала Галица. – А дружина на что, а войско? Князюшка только рад будет: сына послать – и дружбу вятичам показать, и волю смолянского князя не нарушить. Вот пусть соколик наш и будет воеводой! Цел останется, ты уж мне поверь! Я его таким сильным словом заговорю, что ни железо, ни камень, ни дерево, ни иное что ему вреда причинить не посмеет. Зато какой почет и уважение добудет! Сейчас только и слышно – Лютомер то, Лютомер се, Лютомер, бойники, бойники, Лютомер! У Лютомера отроки оружные, а у Хвалиса – мы с Новицей, да и все. А вот сходит он в поход воеводой, будет войско и у него, да не тем лесным побродягам чета! Все узнают, что он князю – истинно любимый сын, надежда и опора. Наследник будущий! – горячо зашептала Галица в самое ухо госпожи. – Только ты, княгиня-матушка, изволь согласиe дать и князя проси, чтобы отпустил.

Замиля колебалась. Ей очень хотелось, чтобы ее сын был всеми признан как наследник и занял почетное место в роду, но слишком страшно было отпустить его – шутка ли! – в поход на хазар!

– Ну, я подумаю... – неохотно ответила она. – Скажешь тоже – воевать идти...

Но даже ей было ясно: без славных дел Хвалису не добиться уважения, и одна отцовская любовь здесь не поможет. Вершина рассказывал ей, как много лет назад, еще будучи княжичем, водил войско в поход на Жиздру. В том походе погиб его отец, и тогда Вершина занял его место. От мысли о гибели князя Замиля отмахнулась, но признала в душе, что в рассуждениях челидинки есть некий смысл: желая наследовать отцу, Хвалису следует идти его путем.

Простившись с госпожой, Галица пошла искать ее сына. Пока еще ее советы пропадали даром: от его попыток подружиться с Доброславом толку не было. Хвалис не умел угождать и льстить, и гостиловский княжич только удивлялся, чего от него нужно этому сыну робы. Подходящими собеседниками ему казались только Лютомер, Славята и Борята – дети Вершины от знатных жен.

Хвалис обнаружился там, где Галица и думала, – на опушке рощи. Приближалась Купала, по вечерам девушки водили круги и пели песни, а Хвалис сидел в тени, как леший, не сводя глаз с Далянки, но больше не смея приблизиться.

Под березами на опушке собрались родичи: Богорадовичи-здешние, жившие при отце, и Богорадовичи-дальние, отселившиеся, и братья и племянники Велетура, Негославичи, Братомеровичи, Мешковичи, Воловичи, Глядовичи. Носились с визгом дети, взрослые следили за девичьими играми и плясками, подзадоривали своих. На траве опушки, в тени ветвей, сидел и кое-кто из бойников – при беглом взгляде на их волчьи шкуры мерещилось, что и звери лесные вышли поглядеть на человеческое веселье.

Лютомер и Доброслав стояли вдвоем, глядя на девичий хоровод и беседа. Лютомер вертел в пальцах сразу три нитки бус – Лютавы и Далянки, доверенные ему на хранение на время игр. Когда предстоит много беготни, бусы снимают – если нитка порвется, потом в траве не соберешь, а еще от резких движений и прыжков в игре можно получить тяжелыми каменными бусинами с размаху по зубам – тоже хорошего мало. Набегавшись, девушки отдыхали, водили медленный хоровод и пели протяжную песню.

Ходит месяц ясный,
По небу гуляет,
По небу гуляет,
Ходит выбирает.

Ой-лели-лели,
Ходит выбирает.
Ходит выбирает,
Звездочки считает,
Все звездочки посчитал,
Одну себе подобрал,
Хоть она и маленькая,
Да такая ясенькая...

– Что сидишь, месяц ясный? – шепнула Галица, неслышно приблизившись и опустившись на землю за спиной у Хвалиса. – Все себе по звездочке выбирают, гляди, не достанется.

Он вздрогнул от неожиданности и обернулся.

– Тьфу ты! Крадешься, будто леший, – пробормотал он. – Поди прочь. Без тебя тошно.

В полутьме летнего вечера глаза Галицы светились, и по спине Хвалиса пробежал холодок. От этой хорошо знакомой молодой, молочной сестры, вдруг вновь повеяло холодной жутью, будто от болотной нежити.

– Уйди от меня! – скрывая трепет, в досаде отмахнулся Хвалис. – Я тебя уже послушался раз, так один позор вышел! А теперь что? Лютава, поди, знает. Расскажут они отцу – тогда что? И с тебя голову снимут, и нам с матерью не поздоровится. Что теперь делать, ты мне скажи!

Неудавшаяся попытка приворота сильно отравляла Хвалису жизнь. Он не был трусом, а надежда сделала его безрассудным, но теперь, когда надежда сменилась страхом наказания, он не знал покоя днем и ночью. Приворот – серьезный проступок, а их с матерью и так не любят. Если дело выльвет наружу – родичи могут потребовать от Вершины наказания виновных. Галицу продадут, а Хвалиса изгонят прочь.

– Никто не узнает! – Галица тайком погладила его по плечу, но он сердито сбросил ее руку. – Они не скажут, не станут на отца родного позор навлекать. А мы и неудачу себе во благо повернем.

– Это еще как?

– Видишь? – Галица кивнула на дальний край луговины, где устроились вдвоем Лютомер и Доброслав, глядя на девичий круг и беседуя, как лучшие друзья.

Возле них стояли, обнявшись, Лютава и Далянка – уставшие от плясок, покрасневшие, тяжело дышащие, смеющиеся. Далянка опустила голову на плечо Лютаве, а Лютава говорила что-то Доброславу, и даже тот не мог не улыбнуться, глядя на них. Лютомер разобрал нитки бус у себя в руках и надел одну из них на шею сестры, две другие – на Далянку.

– Вон волчица-то подругу из рук не выпускает, брату своему невесту готовит. Он потому и не женился до сих пор, что ждал, когда Далянку станут отдавать. А она нынешней весной в самую пору входит – помани мое слово, осенью Лютомер из бойников выйдет и ее посватает. Тогда уж его не столкнута. И вятичей они оплетают хитрыми речами. Если не вмешаемся сейчас – завтра может быть поздно. Но мы их клюки чаровные^[6] против них же обернем. Матушка твоя хочет, чтобы ты себе ратную славу и честь в поле добыл. Хочет, чтобы ты с гостилловцами в поход пошел. Как прославишься, с добычей вернешься, а то и с женой

знатной, тогда тебе никто будет не соперник. Захочешь – и Далянку второй женой возьмешь, потому что угренским князем тогда ты будешь... а не оборотень какой-нибудь.

– Это матушка моя хочет? – ошарашенно повторил Хвалислав.

Всю эту речь он прослушал, полуобернувшись, а теперь обернулся совсем и глядел на Галицу во все глаза. Он знал, что мать любит его больше жизни, но никак не ожидал от нее такого полета мысли.

– Да, матушка. – Галица не сомневалась, что в разговоре с сыном Замиля выдаст эти мысли за свои собственные. – Оттого у нас ничего не ладится, что оборотень над нами стоит, свет белый заслоняет. В нем все будущего угренского князя видят, с тобой не считаются. У него – род знатный, и дружина верная, и хитрость волховная. А ты не уступай! Вот, дают боги случай отличиться – хватай обеими руками! Что ты сидишь тут, под березой? Гриб-подберезовик ты, что ли? Проси у отца дружину да ступай на Дон воевать. Вернешься с добычей, со славой – отец тебя тут же новым угренским князем объявит. Тогда все наше будет – и честь, и слава, и невеста какая хочешь.

– Но что же я делать должен? – злобно ответил Хвалис.

– Поссорить их надо. Вятичи и сами нашим не сильно-то доверяют. Понимают, что князюшка наш воевать с хазарами не хочет. Пойди к нему и скажи: так, мол, и так, хотят тебя угряне погубить. И Далянку не забудь. Как все разойдутся, пойдешь к Доброславу и скажешь ему вот что...

Хвалис слушал шепот за плечом, не глядя на Галицу. В немногие дни вся его жизнь переменилась. Подрастая, он все надеялся, что отец что-то сделает для него. Но теперь ждать больше нечего – стало ясно, что сам он должен помочь себе, дать отцу законный повод его жаловать и величать. Иначе род не потерпит над собой сына чужеземной рабыни.

– Пусть вятичи уходят поскорее, пока с Лютомером не успели сговориться, – внушал ему тихий голос из полутьмы. – А как они уйдут, ты у отца войска выпросишь, чтобы следом за ними идти. Приведешь им подмогу, они и рады будут. Главное, чтобы от тебя они ее получили, а не от оборотня. Понимаешь?

– А если не выйдет?

Хвалис глядел на нее с тревогой и сомнением, а на лице женщины отражались отвага и уверенность. Казалось, дайте ей копьё – сама воевать пойдет.

– А если он мне не поверит? Отцу расскажет? Погубишь ты меня!

– Ты хочешь, сокол мой, и на дерево не лезть, и меду поесть? – несколько язвительно отозвалась Галица. – Так не бывает. Это кто от старшей жены родился, тому мед уже в горшочке несут. А тебе на дерево лезть придется, иного пути нет.

Хвалис снова посмотрел через луговину на Лютомера. Тот не очень походил на человека, которому все приносят уже готовым, но он мог довольно легко получить все, что захотел бы.

Замыслы Галицы нашли живой отклик в его душе. Хвалис уже видел себя воеводой во главе дружины. На Дон! Слава, честь, добыча! Тогда уже никто не посмеет его попрекнуть безродной матерью.

Поднявшись, Хвалис отряхнул рубаху, словно уже стоял перед лицом своей судьбы. Галица ясно видела, что он захвачен теми образами, которые она перед ним развернула.

– Ступай к нему, к Доброславу, – шептала она. – Скажи, что только ты один здесь ему друг. Не бойся. Ступай.

Голос ее вползал прямо в душу, а ее самой Хвалис уже не видел. Она растворилась во

тьме березняка, растаяла в свежем ночном ветерке, только взгляд ее желтых глаз еще сиял, медленно угасая, где-то на дне памяти.

Да была ли она? Хвалислав огляделся. Он стоял под березами один, только вдали отсветы костра порой выхватывали из тьмы фигуры в белых сорочках. И мысли, услышанные от Галицы, уже казались своими, выношенными, выстраданными.

Все это верно. Доброславу опасно оставаться здесь, потому что его попытки втянуть угрян в войну с хазарами возмутят вече. Доброслав может не выбраться отсюда живым! А он, Доброслав, – почти единственная надежда Хвалиса добиться надлежащего положения. Когда от своих ждать добра нечего, приходится искать у чужих.

* * *

Темнело, гулянье затихло. Ратиславичи потянулись к избам, жители окрестных весей побрели по домам. У вятичей перед шатрами еще горел костер, иные сидели вокруг котла, иные налаживались спать: кто под полог, кто прямо возле огня, завернувшись с головой в сукман от комаров.

Убедившись, что никого из своих на луговине не осталось, Хвалис направился к костру. При виде неожиданного гостя дозорные мгновенно вскочили, в руках у всех оказались топоры и копья. Как видно, гостилковский княжич готов был к неожиданностям.

– Ты кто таков? – Двое дозорных сразу шагнули навстречу. – Чего надо?

– Доброслава хочу видеть.

При слабых отсветах костра никто не разглядел бы, как Хвалис бледен, и он старался держаться спокойно, не выдать, как сильно все дрожит внутри. Именно сейчас, в этот тихий, теплый, ничем особо не примечательный вечер месяца кресеня решалась его судьба. Перед ним неожиданно открылась возможность свалить оборотня, своего главного соперника, и обзавестись могучим союзником в лице вятичского князя Святомера. О такой удаче сын хвалисской рабыни не мог и мечтать. Теперь все зависит от его смелости и решительности.

– Ты кто таков? – повторил дозорный.

А другой заметил:

– Да я вроде знаю его. Он из Вершининых домочадцев. Во дворе князьем видел. Зачем тебе князь Доброслав?

Видимо, в ближней дружине Доброслава звали князем.

– Разговор есть.

– Лег он уже, не стану будить, – проворчал первый дозорный. – Утром приходи.

– Разбуди, – приказал Хвалислав, помня о том, что он – княжеский сын, а не холоп какой-нибудь. – Не твоего ума дело, о чем и когда нам говорить.

– Да ты не от отца ли с поручением каким? – спросил второй дозорный, более догадливый.

– Доброславу скажу, с чем пришел.

– Неверко! – послышалось из шатра. – Что там такое?

– Да вот, пришел тут один... Князя требует.

Вскоре из-под полога появился Доброслав – без шапки и в кафтане, накинутом на плечи.

– Ну, что там за мара полуночная? – спросил он, окидывая хмурым взглядом Хвалиса и

дозорных. – Кто там бродит? Чего надо?

– Это я, Хвалислав. – Гость шагнул вперед. – Есть у меня к тебе разговор, Доброслав Святомерович.

– Разговор? – Доброслав вопросительно поднял брови.

Было видно, что он колеблется: его не очень прельщала доверительная беседа с сыном какой-то робы, но надменность боролась с осторожностью: а вдруг тот и правда пришел с чем-то важным?

– Отойдем. – Хвалислав кивнул в сторону, на темнеющий перелесок.

Он видел эти оскорбительные для него колебания, но не собирался отступать. В нем вдруг тоже проснулась гордость, и он смотрел на вятичей свысока, чувствуя, что в какой-то мере они зависят от него.

Доброслав глянул на дозорных, и Хвалислав понял его.

– У меня ничего нет! – Он развел руки, показывая, что не имеет при себе никакого оружия, кроме короткого поясного ножа. – И я тут один. Не робей, князь Доброслав, – насмешливо подбодрил он. – С хазарами воевал – не боялся, а теперь усомнился?

– Хорошо. – Доброслав наконец кивнул и взглядом приказал дозорным оставаться на местах. – Пойдем.

Они отошли шагов на десять, так что их от костра совсем не было видно.

– Я к тебе как друг пришел, – начал Хвалислав. – Никто об этом разговоре не знает и знать не должен. Я предостеречь тебя хочу о брате моем, Лютомере. Ты, я вижу, подружился с ним?

Доброслав не ответил, не собираясь открывать сердце кому попало.

– Я глядел на вас: обошли они тебя, корнями обвели, – продолжал Хвалис. – Они ведь, Велезорины дети, по этой части большие хитрецы. Мать их была волхва, отца всю жизнь в руках держала, он по ее воле ходил. И детей обоих всяким клюкам чародейным она обучила, они так и живут, клюками да хитростями подпираются. Видел девку, что с Лютавой весь вечер была рядом? Голядского рода, светлокосая такая?

При упоминании о Далянке у Хвалиса забило сердце, и назвать ее по имени он не решился. Доброслав хмыкнул, на этот раз одобрительно: такую красивую девушку трудно было не заметить.

– Эта девка – Немигина дочь, из Мешковичей, хорошего рода. Первая невеста в волости. Лютомер потому и не женился, что ждал, когда она в пору войдет и ее отдавать станут, – наученный Галицей, рассказывал Хвалис. – Да только кто же такую девку оборотню и хитрецу отдаст? Они и Мешковичей обошли, и девку саму обвели: приворожили ее, я слышал, пирогом нашептанным накормили. И что вышло – ты сам видел: она теперь к Лютаве льнет, как к сестре родной, с Лютомера глаз не сводит. Вот они каковы хитрецы! Ты о себе-то подумай: не угощали они тебя пирогами?

Доброслав промолчал, но переменился в лице. Человек недоверчивый, помнящий, что вокруг если не враги, то радеющие о своей пользе люди, он вдруг усомнился: а что, если та приязнь, которую он ощущал к Лютомеру, – наведенная? Раз появившись, эта мысль казалась все более убедительной. Иначе как объяснит, что он, зрелый мужчина, не молоденькая глупенькая дева, проникся таким доверием к лесному волку, чей облик прямо-таки кричал о чарах?

– Они тебя заманивают, чтобы ты здесь оставался и веча дожидался, – продолжал Хвалис. – А вот этого тебе делать не стоит. Угряне с хазарами воевать не хотят и войска не

дадут. Отец мой людей уже на Днепр послал, к новой княгине. Боюсь, как бы не вышло для вас чего худого из этого веча. Я бы тебе одно посоветовал: уходить отсюда поскорее.

Доброслав не просил у Хвалиса совета, но не возразил. Галица понимала: если Доброслав дождется веча и то решит помочь вятичам с войском, то поведут его Лютомер – от бойников и Богорад – воевода зрелых мужей. Если же Доброслав уйдет, ни с кем не договорившись, то помогать ему охотников будет не много и у Хвалиса появится случай.

– Уходить тебе надо так, чтобы Лютомер не знал, – продолжал Хвалис, ободренный молчанием собеседника. – Ведь случится что, а отцу твоему скажут: не приезжал к нам Доброслав, от смолян не возвращался, у смолян его и ищите. А в лесах между Угрой и смолянами только лешего сыщешь!

Эти рассуждения легко нашли путь к сердцу Доброслава, потому что он и сам все время ждал чего-то подобного. Он не стал возмущаться, дескать, как это можно обидеть гостя и как земля-матушка носит таких негодяев. Он видел еще и не то. Волновало его другое: не подослан ли этот чернобровый самим Вершиной? Не хотят ли его, Доброслава, просто выдворить побыстрее из Ратиславля и без помех прикончить где-нибудь в лесу? С дружиной в двадцать человек в чужом краю не много навоюешь.

– Я друг тебе, Святомерович, – добавил Хвалислав, стараясь говорить твердо. – Хочу, чтобы между нашими родами дружба и мир были, а не вражда кровная. Буду у отца войска просить. Сам приду к вам на помощь, если не со всеми угрянами, так хоть с частью. Тут есть люди, которые вашу руку держат, хоть и не так много их. Ты, главное, отцу скажи: я, его сын старший, вам друг.

– Старший у вас Лютомер, – возразил Доброслав.

– Он вне рода! – с горячей яростью возразил Хвалислав. – Он – боевик. Волк! И он – оборотень! Я следом за ним старший, если не он князем угренским будет, то я! И если будут у меня друзья и родня сильная, то оборотня я одолею. И тогда уж сам друзей моих не забуду. Я вам помогу, а вы мне.

– Я тебя понял. – Доброслав действительно понял, из каких соображений сын хвалиски явился к нему ночью с этим разговором. – Как соберешь людей, приходи. Примем хорошо. Ты мне помог, я этого не забуду. Теперь скажи: твой отец нас охраняет? Выставил дозор за нами следить?

– Зачем? Не война ведь.

– Уходить надо, – сказал из темноты Перемог, который, оказывается, находился достаточно близко, чтобы все слышать. – Прикончат нас здесь, княжич. Я тебе еще днем говорил. Они ведь тоже понимают...

– Собирайтесь! – решил Доброслав. – Ну, князь угренский, я тебе это припомню!

Он и сам понимал, что успеха его разговор с угрянами иметь не будет. Уже не первый день в нем копилась досада, и Хвалис лишь подтолкнул его к зревшему решению не затягивать это унижение. Княгиня у кривичей – баба, и сами они все теперь бабы!

Без суеты и шума старшие подняли отроков. Шатры были сняты и свернуты, пожитки уложены в заплечные короба.

– Иди вперед, – шепнул Доброслав, и Хвалис первым двинулся по тропе к отмели, где лежали лоды.

Уже стояла ночь, Ратиславль спал, только звезды перемигивались высоко в ясном небе. Хвалис осторожно шел впереди. У Сологи залаяла собака, но под берегом темнела густая тень, никто не мог их здесь увидеть. Подумаешь, собака! Если кто из Ратиславичей и

услышит лай, то подумает, что какая-то парочка в предвкушении Купалы никак не может расстаться.

Однако с Хвалиса сошло семь холодных потов, пока вятичи сталкивали свои лодьи, грузили пожитки и рассаживались. То, что он сделал, едва ли можно было назвать преступлением – он просто слегка поторопил события, вот и все. Но впервые в жизни он совершил некий важный поступок сам, по своему разумению, своей воле и ради своей собственной выгоды. Хоть его и не слишком любили в Ратиславле, он, как и каждый, привык ощущать себя неотделимой частью рода и по-другому жить не умел, как не умел почти никто. Но вот он совершил нечто, о чем родичам лучше не знать. Ибо то будущее, которое задумал Хвалислав, идет вразрез с замыслами и намерениями всех Ратиславичей.

И от этого внезапно нахлынувшего на него огромного одиночества Хвалислав чувствовал себя, как только что отлетевшая от тела душа. Все вокруг казалось Навью – густая тень под берегом, серебряная дорога реки, черные тени лодок и само высокое черно-синее небо с огромными, яркими, острым белом светом сияющими звездами. Даже будущая княжеская власть сейчас казалась чем-то пустым, легковесным, незначащим и ненужным. Хвалислав чувствовал себя так, будто стоит один на высоком обрыве и во всем мире нет никого, кто был бы ему близок, кто поможет, укроет, обогреет, наставит на ум...

Ему вспоминалась только Галица – ее желтые решительные глаза, ее шепот. Казалось, что его ведет сама удельница, одна из дев судьбы.

Ему и в голову не приходило, что все время сборов Доброслав размышлял, не следует ли прихватить его с собой в качестве заложника. Но все же отказался от этой мысли: если сын хвалиски совершил все это сам, то для рода он, отступник, не представляет никакой ценности. Если же его все-таки подослал Вершина, задумав какое-то коварство, то наверняка выбрал из домочадцев наименее ценного, а значит, опять же, толку от такого заложника не будет.

Случая узнать, как громко умеет причитать Замиля, Доброславу, на его счастье, за эти дни не представилось, иначе он бы так не думал.

Хвалислав не знал об этих размышлениях, но понимал, что сделал лишь первый шаг. Впереди предстояло еще много трудностей, но однажды вступив на дорогу, остается только идти по ней.

Две лодьи скользили по тихой ночной реке. Небо было ясным, светили звезды и пополнивший месяц, вятчи гребли, помогая течению, и быстро удалялись от Ратиславля.

Вдруг на темном берегу впереди мелькнул огонек. Мужчины в лодьях насторожились, на всякий случай приготовились взяться за оружие.

Доносились неясные звуки, постепенно сложившиеся в слова песни.

Ой как раным-раненько на зари
Щебетала пташечка на мори;
Сидела там девушка на камни,
Сидела Затеюшка на белом... —

протяжно и неспешно выводили звонкие девичьи голоса.

Как видно, здесь еще задержались самые неугомимые гуляки из тех, кому не хватало терпения дожидаться Купалы. Махнув рукой гребцам, Доброслав велел пристать и неслышно скользнул в воду у берега.

У него мелькнула одна мысль: он так и не заметил, чтобы старшие дочери Вершины возвращались домой. И голоса казались знакомыми...

Выбравшись на сухое, он, скрываясь за кустами, стал пробираться ближе к поляне.

По бережку батюшка гуляет,
По высокому родной гуляет, —

неслось ему навстречу.

Неслышно пробираясь через кусты, Доброслав подкрался к самой поляне. Костер горел ярко, хорошо освещая пространство вокруг. Людей тут сидело немного. Парень помешивал в котелке, откуда доносился запах вареной рыбы, второй сидел просто так, глядя на девушек.

Девушек оказалось три. Одна, еще подросток, худенькая, с рыжей косой, была одета в рубашку без вздевалки и происходила, судя по всему, из ближайшей веси. Доброслав сразу подумал, что она – сестра вон тому, что мешает в котелке. В их лицах замечалось нечто общее: не столько в чертах, сколько в выражении отпечаталось некое неуловимое единство, которое сразу отличает членов того же рода.

Зато на двух других девушках его взгляд сразу остановился и задержался. Первая, пышнотелая, с длинной темно-русой косой, приходилась одной из старших дочерей князю Вершине, он встречал ее в Ратиславле. Вторая была Лютава, которую Доброслав только сегодня вечером видел на луговине, возле хороводов. Потом она вроде как пошла провожать Далянку до дома через лес – из Мешковичей та в этот раз пришла одна, – а теперь оказалась на этой поляне. Сейчас она сидела на бревне между сестрой и той, рыжей, помахивала прутиком и пела:

Гуляй, батюшка, гуляй здорово!
Сойми мя, батюшка, с камешка белого!

Доброслав застыл, почти не дыша. При виде этих девушек его вдруг осенила мысль, как обезопасить себя на всю обратную дорогу, а может быть, и вовсе выполнить поручение отца и гостиловского веча. Дочери князя Вершины стали бы ценными заложницами по пути до дома. А когда он привезет их на Оку, угряне будут просто вынуждены заключить этот союз, от которого так упорно уклоняются. Пренебречь своими дочерьми, рожденными от знатных жен, Вершина никак не сможет.

Доброслав мысленно возблагодарил богов, судьбу и чуров – они послали ему такую удачу, когда он уже ни на что не надеялся и хотел только уйти невредимым!

Взять пленниц нужно так, чтобы не поднять тревоги. Увозить всех пятерых с поляны слишком хлопотно. Но и убивать трех лишних Доброслав не хотел: не упырь все-таки.

У батюшки жалости не много,
Не снял меня с камушка с белого! —

безмятежно пели девушки, не подозревая, что из темноты на них смотрят враждебные глаза.

Мгновения уходили одно за другим. Еще ничего не решив, Доброслав неслышно отступил назад и вернулся к лодьям.

– Быстро проходим вперед, там опять пристанем, – распорядился он. – Здесь людей немного, но надо парочку взять.

– А нужны они нам? – шепнул Будило.

– Нужны. Там две Вершинины дочери.

Под пение про то, как и родная матушка не пожелала снять девушку с белого камушка, две лодьи проскользнули по темной воде пониже и снова пристали. С высокого берега их не было видно, и на поляне никто ничего не заметил. Только раз, когда кто-то плеснул веслом, парень поднял голову, но решил, что рыба играет.

– Идем! – Позвав за собой Будилу, Доброслав снова выбрался на берег.

Теперь они подошли к поляне с другой стороны. Здесь обрыв был довольно крутым, но множество кустов давали вполне надежную опору, а главное, скрывали их от глаз. Трудность была в том, чтобы продрасться сквозь заросли как можно тише, на царапины плевать.

По бережку добрый молодец гуляет.
Гуляй, гуляй, милый мой, здорово!
Сойми меня с камушка белого! —

пели совсем близко.

И тогда Доброслав потеряв терпение, громко запел в ответ:

Дай мне белу рученьку, свет ты мой!
Припас тебе перстень я золотой!

Услышав неожиданно совсем близко мужской голос, отвечавший на их песню, девушки сначала вздрогнули, потом рассмеялись.

– Кто это там? – крикнула Молинка. – Честень, ты, что ли, опять? Никак домой не дойдешь – заблудился? Выходи.

Доброслав и не подумал выходить. Тогда она встала и подошла к обрыву.

– Стой, куда ты! – Рыженькая девушка в испуге попыталась схватить ее за рукав. – Не ходи! Это ж водяной тебе отвечает!

– Сейчас погляжу на этого водяного! – Не слушая ее, Молинка подошла к обрыву и склонилась, держась за куст. – Эй, кто там?

Тут же перед ней возникла темная фигура, сильные руки сдернули девушку с обрыва, и Молинка исчезла в кустах, только белая сорочка мелькнула.

Лютава мигом вскочила и кинулась за ней, точно пытаюсь поймать и удержать. Она не успела заметить мужчину, ей показалось, что сестра просто упала с обрыва.

– Молинка! – Держась за ветку, она свесилась вниз и пыталась разглядеть в темных зарослях белую одежду сестры. – Ты где? Ты жива? Отзовись, эй!

В ответ послышалась только неясная возня и сдавленное мычание: ни говорить, ни кричать Молинка уже не могла. Черная фигура вдруг выросла перед Лютавой и протянула руки; Лютава отшатнулась, наткнулась на куст и чуть не упала, но даже не успела встать на ноги. Какие-то неразличимые во тьме люди ли нелюди схватили ее, подняли и потащили чуть ли не волоком по крутому склону, через заросли, к воде.

Остававшиеся на поляне трое разом вскочили, не зная, то ли бежать на помощь, то ли спасать собственные головы. Но такой возможности им не дали. Доброслав подал знак своим отрокам. Мигом еще человек пять или шесть вскарабкались по обрыву, и парни с девушкой не успели даже опомниться, как оказались схвачены. Лазорка сразу зарыдала от страха, не понимая, что это за нечисть на них напала, горько жалея о том, что осталась в лесу ночью перед Купалой, когда темный мир Нави так близко подходит к человеческому!

– Вязать этих троих, рты заткнуть, – распорядился Доброслав.

Лютаву по воде перенесли в лодью, положили на днище, и лодья почти сразу двинулась.

Два парня и девушка, связанные и с кляпами во рту, остались лежать у погашенного костра. О них Доброслав не беспокоился – до утра ничего с ними не случится, а завтра авось найдут. И пусть они тогда рассказывают что хотят. Князь Вершина тоже не дурак и сумеет сосчитать три пальца – и сам догадается, кто похитил его дочерей в ту самую ночь, когда гости так неожиданно покинули Ратиславль. Но пусть пеняет на себя!

* * *

До утра похищенных никто не искал. Любовида, мать Молинки, зная, что та ушла гулять с Лютавой, подумала, что девушки ночуют у Далянки в веси Мешковичей. Хватились их только наутро, когда обнаружилось исчезновение гостей.

Узнав о том, что луговина пуста, а шатры и лодьи вятичей исчезли, Вершина не очень удивился. Видимо, Доброслав сам понял, что ему нет смысла дожидаться веча, потому что ничего хорошего ему утряне не скажут. Однако тайный уход, от которого веяло недоверием и неприкрытой враждой, очень настораживал. Как бы не случилось чего похуже!

Ухода гостей никто из сродников не видел и не слышал, и бабы уже заговорили между

собой о воровстве, которая, дескать, подняла вятчей да сразу и унесла на край света. Лучиха будто бы даже видела, как шатры косяком летели на полуденную сторону, но этого никто, кроме ее золовок, за правду не принимал.

– А Лютава где? – между делом спросил Вершина и огляделся.

Он помнил, что старшая дочь с вечера не пошла в Остров, а собиралась гулять с сестрами, и надеялся, что она что-то знает.

– Где? – Любовида удивленно поглядела на него. – Сама бы я ее спросила, где Молинка? Обе же дома не ночевали. Не на Остров же к себе она ее потащила!

– Не ночевали?

Князь переменялся в лице. Вот она – неприятная неожиданность, которую он предчувствовал с того мгновения, как узнал о внезапном отъезде гостей. Лютава и Молинка! Еще не желая верить, еще надеясь, что отсутствие дочерей никак не связано с бегством вятчей, он мгновенно настроился на самое худшее. Если Доброслав просто бежал – это неприятность, но вполне терпимая. Однако если он увез старших дочерей – это беда, большая беда, которая ляжет не только на Ратиславичей, но и на все племя угрян. Стараясь скрыть тревогу, князь приказал немедленно всем искать – девушек, следы, видоков, что угодно!

– Где они гуляли? – Вершина огляделся, требовательным взглядом впиваясь в лица домочадцев. – Кто знает?

– Да там, на Ярилиной плещи, где всегда, – ответила ему Ветлица, младшая сестра Молинки, четырнадцатилетняя бойкая девица. – Мы там гуляли с девками, а потом я спать пошла, они с Молинкой еще оставались, и с ними из Отжинковичей кое-кто – ну, Лазорка с Гостянкой, Востряк, Точило, ну, еще какие-то их парни. Мы с Премилкой устали потом и ушли, а они еще оставались...

Во главе гомонящей толпы князь сам бросился бегом на Ярилину плещь...

* * *

И первый, кого он там увидел, был его старший сын Лютомер.

Еще на ранней заре, почти в темноте, Лютомер очнулся и осознал одновременно несколько вещей. Первое: что он лежит не на скамье в большой землянке стаи, где его обычное место, а в избе бабы Темяны, на лавке, где обычно спит Лютава. Второе: что самой Лютавы рядом нет. Ночь уже прошла, а она так и не вернулась! Они расстались в Ратиславле – она хотела еще погулять с девушками, а он забрал бойников с луговины и пошел с ними домой в Логово. Именно в эти теплые, душистые, кружащие головы длинные вечера бойникам строго предписывалось не покидать без разрешения Волчий остров, чтобы их потом не искали разгневанные отцы и матери чересчур податливых девушек. Однако взрослеющих парней и без того нелегко держать в узде, а в этом деле и подавно, поэтому Лютомер следил за этим сам.

Он спокойно оставил сестру возле хоровода – никто на Угре не захочет ее обидеть. Убедившись, что все бойники дома, Лютомер пошел в бабкину избу. Темяна осталась у дочери в Ратиславле, и он прилег на лежанку сестры, чтобы дожидаться ее и сразу убедиться, что она вернулась.

Лежа в темноте знакомой избы, где лишь в углу смутно белела сухая березка –

обязательная принадлежность жилища волхвы, – Лютомер глядел в темную низкую кровлю и мечтал о том, как Лютава вернется – веселая, утомленная, принесет в волосах запах вечерней прохлады и лесных трав... Она сразу почувствует его присутствие, но сделает вид, что в темноте ничего не заметила – развяжет пояс, снимет очелье и сразу бросится на лежанку, а потом вскрикнет, будто очень испугалась, обнаружив здесь кого-то... Он заранее улыбался в темноте, стараясь угадать ее приближение, услышать совсем не слышные девичьи шаги по траве, шорох подола сорочки... Нечего не было для него желаннее, чем запах ее разгоряченной кожи – знакомый, будто свой собственный, и холод босых ног, еще не согревшихся после ходьбы по лесной тропе... Никого он не любил так, как ее, столь близкую ему по крови и по духу. Имея между собой семь лет разницы, они были ближе, чем иные близнецы.

Шесть лет назад Лютомер узнал, какая необычная доля суждена его сестре. От матери ей достался мощнейший дух-покровитель – Волк Нави, страж Огненной реки. И в уплату за помощь Лютаве предстояло дать ему тело для нового рождения – тело своего будущего ребенка. Даже Лютомер, тогда уже взрослый, сильный человек, встревожился за свою всего лишь двенадцатилетнюю сестру.

А потом исчезла их мать, Велезора. Наставницей сестры осталась лишь баба Темяна. Мать не брала с Лютомера никаких зарок, но он понимал: для него невозможно вернуться в Ратиславль, завести семью и жить как все, оставив юную девочку почти один на один с Волком Нави. И он остался ждать, пока покровитель пришлет ей мужа. А тот все не спешил. И они жили на Острове, как на том свете, год за годом, отделенные от людей невидимой стеной. Даже едва ли замечали, как проходит время. Как в том старинном сказании о брате и сестре, что жили вдвоем в избушке. Лютомер знал: рано или поздно в избушку явится ловец, чужой человек, что станет добиваться любви его сестры. Но ждал его скорее со стороны Нави, чем Яви...

И оттуда, из Нави, вдруг что-то потянуло Лютомера. Зашумели в сумраке невидимые крылья: это позвал его Черный Ворон, старший сын Велеса.

– Идем со мной, бр-рат! Без вас не спр-равлюсь!

И уже вился вокруг него длинным роем пылающих искр их «младшенький», заливаясь свистом...

На свете было еще двое таких же, как Лютомер. Старший брат – Черный Ворон, младший брат – Огненный Змей, помогали Лютомеру в Нави, как и он, Белый Волк, помогал любому из них, если приходила нужда. Втроем они составляли такую силу, что в иных покровителях уже не нуждались.

Черный Ворон мчался под серым небом Нави, указывая путь, двое братьев следовали за ним. Где-то в просторах Яви лежал в беспамятстве воин, сжигаемый лихорадкой из-за тяжелой раны, а Огня, служанка Кошной Матери, тянула дух из тела в Навь. Лютомер даже не знал, кто этот человек, но Черный Ворон не хотел его смерти и позвал братьев, чтобы помогли отстоять. Воин стонал в забытьи, вокруг него скользили две белые тени – женщины-волхвы, пытающиеся удержать дух в теле. Но им было бы не справиться, не отогнать Огню и ее одиннадцать сестер, если бы не они – Черный Ворон, Белый Волк и Огненный Змей.

Но вот воин очнулся, и братья-оборотни простились, возвращаясь каждый в свое человеческое тело и к своим земным делам...

Придя в себя, Лютомер осознал, что уже почти утро, а в избе он один. Нет ни бабки, ни Лютавы, на лежанке которой он провел эту ночь.

А чутье, проснувшись вместе с ним, мигом сказало: случилась беда. Ощущение этой беды ждало его прямо тут, у выхода из «навьего окна». Скотившись с лежанки, Лютомер торопливо оделся и бегом пустился через лес к землянкам бойников. Заслышав стук, изо всех сразу дверей показались взъерошенные головы.

– Что, Требила таки сбег? – ахнул Чащоба, у которого в эту ночь на уме была только одна забота. – Да я ему сам сейчас все оторву...

– Все за мной, – быстро распорядился Лютомер. – Ждать некогда, с Лютавой что-то стряслось.

Встревоженные парни быстро оделись без суеты и задержек, разобрали оружие. Каждый миг казался Лютомеру досадно долгим...

* * *

Уже на свету добравшись до Ярилиной плещи, бойники застали здесь бабу Гневаниху и двух парней из рода Отжинковичей, из ближней веси. Те отправились поутру искать своих, которые слишком уж долго не возвращались, и нашли Лазорку с братом и с парнем из Коростеличей, по имени Заяц. Бедняги были чуть живы, пролежав всю ночь связанными. Их уже освободили, но они едва могли говорить.

– Лешие их умыкнули, дочерей княжеских, – бормотал Молва. – Как есть лешии. Молинку так и утянуло, никто моргнуть не успел. Стояла – и нету, а никто не подходил. Потом Лютава туда – и ее унесло. А потом как набросились на нас...

– Да ну, не лешие это! – Заяц покрутил головой. – Что я, леших не видел? Люди это, чужие совсем. Откуда только взялись! Ни слова не сказали, повязали нас и бросили. Спасибо чурам, не убили, не увезли, а мы уж тут с жизнью прощались.

Лютомер даже не сомневался, что лешие и водяные тут совершенно ни при чем. Осмотрев поляну и обрыв, он по отпечаткам на земле, на песке, по сломанным веткам кустов и по запахам быстро определил, что именно отсюда его сестра, а с ней и Молинка шагнули прямо в воду – и не сами, а с чужой помощью.

Отойдя от людей подальше, он наклонился над водой, взгляделся, стараясь проникнуть под поверхность с играющими бликами, в прозрачную рыжеватую глубину, где скользили рыбки.

– *Она была здесь, ее увезли,* – беззвучно шептала ему река. Блестела вода под солнцем, шумел ветерок в вершинах ив, колыхались длинные стебли водяной травы, и все вместе складывалось в речь, не доступную человеческому слуху, но отчетливо понятную сыну Велеса. – *Чужие люди увезли. Она и сейчас с ними. Ее везут туда, к устью.*

– Спасибо, Угрянка. – Лютомер опустил пальцы в воду, будто погладил кого-то по волосам. – Да не иссякнут воды твои, покуда стоит Мер-Дуб!

– И ты будь здоров, сын Велеса!

Лютомер снова поднялся на поляну. Берегиня Угрянка, дух и хозяйка реки Угры, только подтвердила его собственные догадки. Надо быть совсем дураком, чтобы не догадаться! Его сестер увезли вятичи. И зачем – тоже было ясно. Понимая, что не уговорит угрян добром, Доброслав решил заставить их силой.

Доброслав сам не знал, чем рисковал. С тем же успехом он мог украсть то яйцо с иглой внутри и надеяться, что хозяин смирится с пропажей.

Лютומר смотрел на воду, и Лютава стояла перед его мысленным взором как наяву – ее загорелое скуластое лицо, ее яркие серые глаза, длинная русая коса, крепкие руки с серебряными витыми перстеньками.

Отвернувшись от людей, Лютומר сжал зубы, стараясь усмирить чувства и сосредоточиться. Глаза заволакивало багряной пеленой, в горле рождался жгучий спазм, такой знакомый и жуткий, потому что угасить его можно только одним средством – горячей, еще живой кровью врага. Никакой водой этот пожар не потушишь. Кости напряглись, мышцы и суставы плавилась, готовясь перелиться совсем в другую форму, сделать человека зверем...

Но Лютומר напрягся, сдерживая порыв, стиснул зубы и ждал, пока схлынет яростный туман и вернется способность соображать здраво. Врага здесь нет, он ушел. И волком его не догнать, не вцепиться в горло. Здесь нужна не звериная сила и ярость. Нужен человеческий разум, расчет и осторожность, чтобы вырвать сестер из рук врага, не повредив им.

Тут-то и подоспел князь с прочими Ратиславичами. Лютומר не прислушивался к гомону, крику, спорам и возгласам. Он уже знал главное. Гостиловский княжич Доброслав все же добился своего – на Угре будут собирать войско.

* * *

До Купалы оставалось всего ничего, но молодежь засела дома. По округе стремительно разлетались слухи, что вчера на ночном гулянье случилось что-то нехорошее – то ли нечисть кого-то унесла, то ли утонул кто (что, впрочем, то же самое).

Беглецы выиграла целую ночь и запаслись заложниками, поэтому мчаться за ними сломя голову не имело смысла. Уже прибыли многие старейшины. Почти во всех жилищах Ратиславля появились постояльцы – дальние родичи из весей, рассеянных по Угре и ее притокам. На той же луговине, где недавно жили вятичи, снова появились шатры. Конечно, собирать всех взрослых мужчин племени, как делалось в прежние века, было и невозможно, и не нужно, каждый род присылал одного-двух человек.

Князь Вершина не спал ночами от беспокойства за двух старших дочерей, но от поспешных действий воздержался. Произошедшее, а главное, возможные последствия могли затронуть не только княжеский род, а все племя угрян, поэтому принимать решение могло только вече.

Вече собралось у Перунова дуба. В Ратиславле существовало предание, что сам Ратислав Старый по дороге на восток остановился ночевать поблизости от старого, заброшенного голядского городища, а во сне ему явился Перун и повелел поселиться здесь. В благодарность Ратислав немедленно после пробуждения отправился в лес, вырыл красивый молодой дубок, на плечах притащил его на вершину холма вместе со здоровенным комом земли и там посадил – вот какой силищи был человек! Дубок прижился на холме, а Ратиславов род – на старом городище. С тех пор Перунов дуб и род Ратиславичей росли и крепились наперегонки, а потомки Ратислава приносили жертвы Перуну, развешивая их на ветвях или раскладывая у корней, собирались возле старого дерева на вече или на суд.

По важным случаям сюда выносили скамью для князя – престол – и ставили у подножия дуба, в тени ветвей и под взглядом Перуна. Остальные участники зимой стояли, летом рассаживались прямо на земле; желающие сказать слово выходили к дубу. С полдесятка молодых и крепких княжьих родичей стояли по сторонам дерева, готовые, если придется,

унять драку несогласных между собой.

Явился и Лютомер, как глава бойников, в сопровождении четырех своих старшин. Как положено при выходе «в белый свет», оружия они с собой не взяли, но их накидки из волчьих шкур мехом наружу сами производили грозное впечатление. Устроились поодаль, на самой опушке: сидя тесной стайкой среди зелени ветвей, бойники казались посланцами самого леса.

Угрянам предстояло решить, за кем идти: за смолянкой княгиней Избраной или за гостилловским князем Святомером. Находились и такие, что увидели удобный случай зажить сами по себе: опасности независимого существования скоро забываются, и начинает казаться, что сами-то мы собой управим куда лучше, чем эти там... Но и сложности этот путь таил немалые, на что князю быстро указали.

– А ну как Велеборова дочь на столе усидит и нас придет наказывать за непокорство? – спросил старейшина Даровой.

Его городок, Селиборль, стоял в верховьях Угры, в непосредственной близости от смолянских земель, а значит, в случае войны со смолянами он пострадал бы первым.

– Смоляне – еще что! – вслед за ним слова затребовал Благота, живший в верховьях реки Рессы, на рубежах с дешнянскими кривичами. – А вдруг так выйдет, что князь Бранемер со своим племенем то же самое удумает и воевать нас придет?

– А то еще и оба разом! – в досаде крикнул дед Перелом.

– Этого еще мало! – воскликнул Турогнев, младший сын старика Велетура. – Смоляне – раз, дешняне – два! А еще ведь Святомер гостилловский есть! Нехорошо его сын от нас ушел, не по-доброму! Зло он на нас затаил! Того гляди – летом хазар и без нас разобьют. А зимой, как реки встанут, пойдут вятичи на нас, за обиду мстить, что не помогли супротив хазар! А мы тут со смолянами да дешнянами ратимся. Пропадем совсем, сохраните нас чуры! Сядут вятичи на наших селищах, как мы на голядских сели, от угрян даже имени не останется.

– Ну, брате, ты уж дугу перегнул! – в досаде ответил князь. Ему были хорошо видны удрученные лица угрян, на которых развернутое Турогневым будущее произвело уж слишком тягостное впечатление. – Напророчил тридцать три беды! Смолянам и без нас врагов хватит, и вятичи не дураки, чтобы у нас кровь проливать, когда хазары под боком.

– Да и мы ведь времени терять не станем! – добавил Будояр, глава рода Воловичей. – Я бы, по своему уму, послал людей к Бранемеру дешнянскому. С ним воевать мы не будем, а вот ряд установить, чтобы против иных врагов помогать друг другу, – самое правильное, я так думаю.

Народ одобрительно загудел. Князь Бранемер дешнянский, владевший землями в верховьях Десны и по Болве, находился в точно таком же положении, что и сам Вершина: обязанный данью смолянам, он после смерти Велебора остался предоставлен сам себе. И уж конечно он обрадуется союзнику, который поможет ему сохранить независимость.

– Это верно, но от Святки мы так просто не отделаемся! – сказал Честослав, брат Любовиды. – Ведь княжич Доброслав не просто так уехал. Он, как медведь свирепый из стада, двух овечек драгоценных у нас увез! Двух дочерей княжеских старших, от знатных матерей рожденных – Лютаву, дочь Велезоры, и Молиславу, племянницу мою!

Вече загудело в негодовании. В основном все уже слышали о прискорбном происшествии, но что с этим делать, никто не знал.

– Зачем они ему понадобились, он же вроде женатый? – недоумевал кто-то. – Я его видел, он в шапке был^[7].

– Да у него братьев молодых четверо, или пятеро, или сколько их там Святомер наплодил! Вот и забрал наших девок.

– Все же нехорошо – уводом! У нас, кто поумнее, так не делают, разве что совсем глупый парень!

– Да не в этом дело! Ты сам-то, Ржанко, за ум возьми! Если наши княжны в их роду замужем, то как же мы им не поможем? Придется воевать, коли они нам родня, деваться некуда! Родне не помочь в таком деле – чуры нас проклянут!

Переждав первый всплеск волнения, Вершина снова поднялся со скамьи, и старейшины принялись унимать друг друга, чтобы его услышать.

– Моих дочерей увезли из дома силой, тайком, обманув наше доверие, – заговорил он. – Я такого бесчестья роду допустить не могу.

– Уж если увезли, то не воротишь! – горестно воскликнул Честослав. – Теперь надо приданое собирать, чтоб им там, в вятичах, честь и уважение было. А то будут держать как холопок, в услужении у старших жен – куда ж это годится! Давай, я сам поеду.

– Не позволим! – рявкнул Богорад. – Это что же – у нас будут девок воровать, а мы еще приданым приплачивать! Много таких охотников найдется, не напасешься на всех! Приходите, дескать, лиходеи, берите детей наших, жен наших, скотину и что хотите, мы вам рады! Не бывать! – Он гневно взмахнул тяжелым кулаком. – Я князю говорил, Ратиславичам всем говорил и вам, угряне, скажу! Войско надо собирать, девок отбить, а обидчикам голову с плеч снять! Предки завещали: за такое – мстить кровью!

Вече волновалось и шумело. Старинный обычай требовал кровной мести за похищение знатных женщин, бесчестившее весь род, но мысль о войне с князьями вятичей смущала. Оба исхода дела не радовали: если смириться с тем, что две княжеские дочери входят в род Святомера гостиловского, то придется воевать с хазарами, а если не смириться – то с самими вятичами.

– Эх, не уберег ты дочерей, Братомерович, а тут нам всем такая беда! – крикнул старейшина Званец.

– Так вятичи же с хазарами воюют? – подал голос старейшина рода Залешан, Головня. – А вот когда они на хазар уйдут, тут бы нам и ударить! Чего теряться-то? Они нас обидели, как волки в ночи, а мы что же? Малыми силами, скрытно подойти – девок вернуть, за обиду отомстить, а то и прихватить чего-нибудь... Нам тоже пригодится...

– Да у нас же бойники есть! – вспомнил Будояр и кивнул на Лютомера, сидевшего на траве впереди своих побратимов. – Малыми силами, да скрытно! Самое для них дело!

– Да и кому, как не Лютомеру! – подхватил Дерюга. – Ведь его родную сестру увезли, дочь его матери!

– Волхву увезли, волкам за нее и мстить!

Князь вопросительно посмотрел на Лютомера, и тот, взглядом испросив у отца разрешения заговорить, шагнул вперед. Словно цветы-нивяницы под порывом ветра, все лица на широкой поляне обратились к нему.

– Верно говорите, мужи угренские! – Лютомер слегка поклонился, разом признавая правоту людей и свою вину. – Я виноват, не распознал замыслы черные у тех, кого князь как гостей в своем доме принял. Не уберег я сестер, мне их и вызволять. Поеду за ними сам с моими побратимами.

Угряне гулом и криками выразили одобрение.

– И правда, поезжай. – Князь кивнул. – Может, и проберетесь как-нибудь, пока вятичи

хазарами заняты будут. Что хочешь делай, но сестер верни и клятв Святке никаких не давай.

– Мстить надо! – требовал Богорад, рассекая воздух тяжелым кулаком.

– Успеем! – с твердостью отвечал ему Вершина. – Мечь не ржавеет, не черствеет. Вот выберем время получше – и ударим. А в лишнюю драку ввязываться, пока не знаем, откуда еще беды ждать, – глупо это, Богоня, брат ты мой!

Решив самое сложное, угряне приободрились, и дело пошло веселее. Одобрив решение послать Русилу и Радяту в смолянские земли, а заодно положили снарядить такое же посольство в земли дешнянских кривичей. Посла искали недолго – Благота приходился Ратиславичам родней, жил на рубежах дешнянских земель и хорошо разбирался в тамошних делах.

– Только уж обожду, как там с княжнами обернется, – говорил он. – А то если не выйдет дело, что же я Бранемеру говорить буду?

Все прочее теперь зависело от того, сумеет ли Лютомер вернуть сестер домой, не связывая угрян союзом с вятичами. А если не сумеет – ни Бранемер дешнянский, ни кто-то другой не станет разговаривать с угренским князем, впавшим в зависимость от чужого рода и чужой воли.

* * *

Выступить перед всеми угрянами у Хвалиса не хватило духу, да и не имел он, отрок, на это права без согласия отца. Но когда вече разошлось, вечером в избе матери он наконец объявил, что тоже хочет идти в поход. После того как Доброслав уехал не один, а прихватив двух девушек, чего и сам Хвалис не предвидел, просить войско для помощи вятичам, как он раньше намеревался, было бы чистым безумием. Но и остаться в стороне, раз нацелившись действовать, он уже не хотел и даже не стал дожидаться советов Галицы.

– Позволь и мне на Оку пойти, отец, – сказал он. – Моих сестер увезли, семью обесчестили, а я тоже не баба, чтобы дома сидеть. Хочу тоже за честь рода постоять.

Он с трудом находил слова, стараясь задавить сомнения, правильно ли поступает. А вдруг гостиловский княжич вольно или невольно проговорится о том, кто побудил его бежать? Но и просто ждать было мучительно: Хвалису не давала покоя мысль, что эти двое, Доброслав и Лютомер, каждый из которых по-своему представлял для него опасность, встретятся там, вдали, а он даже не сможет узнать, как у них складываются дела.

– Сокол ты мой! – Князь в первый миг удивился, а потом обрадовался и в воодушевлении обнял своего любимца. – Молодец! Ты меня прости, я сам о тебе не подумал сразу! Конечно, и ты у меня удалец хоть куда! Не выпадало тебе случая крылья расправить, так теперь есть! Поезжай, да будут с тобой Перун и Макошь!

Бывший при этом Толигнев кивал с довольным видом. Вместе с воспитанником в путь придется снаряжаться и ему, но Толига, не трусливого десятка, был совсем не прочь развеяться и показать, что и сам чего-то еще стоит. Это был плотный, круглолицый и широкогрудый мужик лет сорока с небольшим; пушистая борода его на щеках была русой, а ниже подбородка в ней белела седина, будто снегом присыпано. Он приходился Вершине дальним родичем через мать, бабу Темяну; как человек мягкосердечный, больше всех в роду жалел Замилю и ее детей. Именно за его старшего сына, Утешу, была выдана дочь Замили, Салика, ныне покойная, и теперь у Толиги имелся с Вершиной общий малец-внучок. Он же

обучал Хвалиса, которому не привелось быть в бойниках.

– Да, давно пора соколику нашему себя показать! – приговаривал повеселевший кормилец. – А то ходит он все смурной какой-то, я уж боялся, не сглаз ли...

Собирая любимого сына, князь воодушевился и обрадовался так, будто сам шел в первый поход. Вновь ожили воспоминания о войне на Жиздре, что принесла ему и первую жену-княгиню, и в конце концов – княжий стол. Под разговоры «А помнишь, Толига...» из укладки в клети добыли хороший шлем восточной работы – взятый у того самого купца, который привез на Оку Замилю. К шлему нашлась кольчуга, и Хвалис, облачившись в полный доспех, выглядел истинным воином и мог утешаться мыслью, что у самого Лютомера ничего подобного нет. Правда, в кольчуге и восточном шлеме вид у него стал совсем заморский, но даже Замиля, любясь им, прослезилась и поверила, что этот поход принесет ее сыну пользу.

Откликнувшись на княжеский призыв, Ратиславичи и жители ближних весей довольно охотно собирались в дружину Хвалислава – в основном те, кто в этот год нового поля не жег и не сеял. У простых людей никаких кольчуг и шлемов, разумеется, не имелось – уж слишком дорог настоящий доспех для того, кому, быть может, и повоювать придется всего один раз в жизни.

– А вот, помню, как при князе Братене с жиздрянами вышла рать, у нас все снарядились, а я молодой был еще, – рассказывал какой-нибудь седой дед молодому кудрявому внуку. – А дядька Вереда мне и говорит: ты, говорит, надень на себя все рубахи, какие есть, сразу, ну, и все какая-никакая защита, а еще, слышь, кожух велел надеть. Ну, я и натянул четыре рубахи свои да кожух, так и пошел. Жарко, неудобно, смешно в кожухе середь лета, сам иду смеюсь. А помогло – вишь, живой вернулся... А князь-то сам и нет... Тогда Братомерович у нас и вокняжился нечаянно...

Из оружия имелись топоры, которыми угряне владели очень ловко, луки и копья. Щиты, хотя бы по одному на каждого, спешно сколачивали на княжьем дворе – для этого собрали всех мужиков, а руководил ими княжеский кузнец Ветрозим. Щит собрать – это не шлем сковать, а умбонов кузнец по приказу предусмотрительного князя заготовил еще раньше, про запас. Съестные припасы тоже имелись: в городце находились большие зерновые ямы, где хранилось жито на этот случай.

Не прошло и пяти дней после веча, как войско выступило в поход.

Очутившись в лодье, с зажатым ртом и веревкой на руках, Лютава быстро сообразила, к кому попала. Леших от людей она отличала мгновенно, своим не было надобности ее похищать, а чужие в округе имелись только одни – вятичи. Судя по неясному шуму, приглушенному шепоту и плеску весел, здесь собралось все два десятка. И едва ли княжичу Доброславу вздумалось вывести своих людей на ночную рыбалку – скорее всего, они покидают Ратиславль совсем, причем без согласия хозяев. Как это вышло, Лютава знать не могла и надеялась только, что обошлось без кровопролития. Впрочем, тогда за вятичами уже гнались бы и даже до Ярилиной плещи они не добрались бы так скрытно.

Она полулежала, свернувшись, на корме, прямо на грязном дне лодьи, среди поклажи. Лодьи быстро скользили вниз по течению Угры. Вятичи рисковали, плывя во тьме по чужой реке, но до летних засух было еще далеко, а река была им не совсем незнакомой. Лютава лежала с закрытыми глазами, слушая шум ветра в вершинах деревьев по берегам, крики ночных птиц, плеск воды у бортов. Тьма и Вода – стихии Темной Матери, и Лютава, очутившись внезапно на ночной реке, стремительно несущей ее неведомо куда, чувствовала себя так, будто мчится куда-то в ладонях самой своей покровительницы. И вот уже через саму ее душу течет черная вода, а над головой разворачивается дорога из сияющих, совсем зимних ясных звезд. Черная вода омывает каждую косточку, пронизывая само тело, как тень, наполняя силой и покоем, унося тревогу, слабость и неуверенность.

Лютава почти не помнила, где она сейчас, не чувствовала ни прежнего страха и негодования, не ощущала даже жестких досок, в которые упиралась спиной и боком. Из-под пелены обыденного проступили иные образы, вокруг зазвучали иные голоса.

– Ты звала меня, сестра? – шепнул бесплотный голос.

Это не была обычная человеческая речь, но Лютава легко понимала голос из Нави. Совсем рядом находилась вила Угрянка, дух и хозяйка родной реки племени угрян.

У всякого волхва имеются в Нави собственные друзья и помощники. Как без проводника из местных жителей чужой не найдет дороги, так и в Нави волхву нет пути без помощи дружественного духа. Чем больше таких помощников раздобудет себе волхв и чем сильнее они, тем сильнее он сам и тем шире его возможности. У Лютавы их было пока только двое: Радомир и Угрянка.

С берегиней Угрянкой Лютава встретилась на следующее лето после того, как переселилась в Остров. Весной, на русальной неделе, она однажды водила хоровод с другими девушками на берегу Угры. Это место так и называлось – Русалица. Именно здесь каждый год девушки чествовали вил песнями, хороводами, оставляли им свои дары – новые белые рубашки, рушники, угощения. На прибрежной поляне росло несколько старых ив, на которых так любят сидеть и качаться вилы. Огромные, со множеством переплетенных стволов, часть из которых лежала на земле, оставаясь живыми, с ветками, свесившими узкие листья в воду и на песок, ивы напоминали старых бабок-простоволосок, собравшихся тут на тайную ворожбу.

Лютава не заметила, откуда взялась в их кругу эта странная, незнакомая девушка. Просто она вдруг появилась, и Лютава обнаружила, что ее руку сжимает прохладная, влажная, легкая рука. Сорочка на незнакомке была в мокрых пятнах и сидела неловко, будто чужая, и подпоясалась та жгутом из осоки. Длинные, спутанные, тоже влажные волосы

окутывали ее до колен, а лица было почти не видно из-под пышного венка.

Да это же вила, дочь леса и воды! В этот срок им разрешено выходить на землю и даже встречаться с людьми. А надета на ней одна из тех новых сорочек без вышивки, которые весной именно для этого развешивают на деревьях у воды.

Никто, кроме Лютавы, ее не замечал, а вила кружилась вместе со всеми, пела звонким красивым голосом, нежным и протяжным, как летняя чистая речка, прогретая солнцем. Ведь весной, когда все сущее расцветает и тянется к солнцу, бессмертным и вечно юным вилам тоже хочется веселья!

Изредка поглядывая на нее, Лютава не могла разобрать лица: под зеленью венка лишь что-то поблескивало и переливалось, будто солнечная рябь на поверхности воды. И все же ей казалось, что вила отвечает ей улыбкой и даже подмигивает. Когда пришла пора обмениваться подарками, Лютава подарила Угрянке гребень, а та подала ей мокрый венок. Так Лютава приобрела второго духа-покровителя. Раз в год она приносила Угрянке сорочку, ленты, бусы, гребни, угощала ее пирогами, яйцами и кашей, плясала с ней в хороводе, и вила веселилась в теплом человеческом кругу, где никто ее не видел. Это веселье, правда, продолжалось недолго – дней двадцать, от Ярилы Сильного до Купалы. Зимой, когда реку сковывал лед, Угрянка спала, но в остальное время ее можно было позвать, и она быстро оказывалась рядом.

– *Что с тобой, сестра?* – шептал нежный и мягкий, как теплые струи летней реки, голос, не слышный никому, кроме Лютавы. – *Везут тебя чужие люди, а ты молчишь, не зовешь, помощи не просишь. Хочешь, помогу тебе? Хочешь, лодьи опрокину, всех перетоплю, тебя только вынесу, на крутой бережок, на зеленую траву-мураву положу?*

– Со мной сестра моя, – мысленно ответила Лютава. – Ты, сестра милая, ступай-ка лучше к моему брату Лютомеру, расскажи ему, где я. А попросит он – помоги его лодьям, понеси их побыстрее.

– *Хорошо, сестра. Все исполню.*

И только Лютава услышала, как слегка колыхнулась тихая вода под самым берегом. Хозяйке реки не надо и плыть – как пожелает, так и выйдет из воды в любом месте на всем протяжении реки, от истока до устья, где сливается она с Окой, своей матерью.

Немного успокоившись, Лютава задремала. А на рассвете ее вдруг словно толкнуло изнутри – Лютомер стал искать ее. И к ней вернулась уверенность: брат уже шел к ней, а значит, был все равно что уже здесь.

Утром над рекой висел туман, от воды веяло холодом. Кто-то, пока она спала, набросил на нее теплый шерстяной сукман. В этой же лодье она обнаружила Доброслава. Молилки не было – видимо, ее везли на другой.

Часть утра тоже прошла в дороге. Иногда Лютава ворочалась, отлежав бока, и тогда чей-нибудь сердитый голос приказывал:

– Не дергайся, краса ненаглядная! Пошевелинешься – зарежу!

Надо думать, до вятичей дошла ее слава волхвы, и они опасались ворожбы. Но Лютава шевелилась: авось не зарежут.

– Да ладно, что ты! – возразил однажды кто-то. – Не будет же она из лодьи в воду прыгать со связанными руками!

– А чего ей не прыгнуть? – отозвался сердитый голос. – Она же ведьма – не утонет!

Лютава и правда знала, что Угрянка не даст ей утонуть даже со связанными руками. Но тогда им пришлось бы расстаться с Молинкой.

Ближе к полудню вятичи пристали и выбрались на берег – размяться и приготовить поесть. Припасов у них с собой почти не имелось, но по пути, уже на рассвете, они не постеснялись вынуть чью-то чужую сеть, поставленную с вечера. Улова хватило на уху, и вскоре огонь уже облизывал днище большого черного котла.

Девушек тоже вынесли из лодей и положили на траву. К ним подошел Доброслав и остановился, рассматривая сверху свою добычу, будто увидел впервые.

– Хоть бы поздоровался, Святомерович! – заметила Лютава.

– Здравствуй, коли не шутишь! – приветливо ответил Доброслав. – Как спалось?

– Хуже некуда. Все бока отлежала, да еще дрянь такая снилась, не поверишь. Будто украл нас с сестрой из отчего дома гость, которого мы со всей лаской принимали. Ни богов не побоялся, ни чуров, ни совести. Приснится же такое!

– Мне тоже не сон виделся, а одно огорчение. Будто хозяин ласковый, к которому я с открытым сердцем приехал, меня погубить задумал, корнями обвести. И пришлось будто мне ночью из чужого дома бежать.

– Это ты съел на ночь что-нибудь не то! – язвительно ответила на это Молинка.

– Пирожок нашептанный? – Доброслав выразительно посмотрел на Лютаву.

А она удивилась: ему-то откуда знать про нашептанные пироги?

– Кто же тебя угощал – ты ведь не красна девица!

– Да видно, и моя любовь понадобилась кому.

– Мне она понадобится, когда мерин мерина родит! – Лютава рассердилась. – Вели развязать. Нам отойти надо.

Доброслав кивнул одному отроку и глазами показал на Лютаву:

– Развяжи вот эту. А вторую погоди пока. Пусть идет, и провожать не надо, нечего девицу смущать. Только если ты, красавица, из-за кустика не вернешься, я сам твоей сестре горло перережу. А если она не вернется – тебе. Ясно?

Ничего не ответив, Лютава с трудом села и стала растирать затекшие руки. Встать пока не получалось, все тело ломило, как у бабки Темяны перед ненастьем. Будило помог ей подняться и повел к опушке близкого леса.

Отослав его назад, Лютава обняла толстую березу, прижалась к ней всем телом и попыталась расслабиться, слиться с деревом, чтобы позаимствовать его сил. Помогло, стало легче. Ломота в теле постепенно уходила, перетекая в землю через корни березы, темными каплями падая в царство Марены. В голове яснело.

– Ты там что? – с тревогой позвал из-за куста Будило.

– Здесь я, здесь! – откликнулась Лютава. – Погоди, отдыхаю.

Мельком она подумала, что, в общем, могла бы уговорить березу отвечать ее, Лютавы, голосом. Сейчас, в русалий месяц, это совсем легко. Но это средство могло бы помочь, если бы ей требовалось просто уйти. Но так заморочить вятичей, чтобы увести и сестру, она пока неспособна. Сложные мороки на многих людей сразу умеют наводить только старшие волхвы – бабка Темяна, Росомана. А что Доброслав зарежет одну, если убежит вторая, она вполне верила. Они уже достаточно далеко от Ратиславля, чтобы беглецы не боялись потерять заложниц. Кто же его в Ратиславле так напугал-то?

– Чего ты хочешь? – спросила она у Доброслава, когда все уже расположились вокруг котла и хлебали уху.

Кормили пленниц по очереди – пока Лютава ела, Молинка сидела со связанными руками. Когда Лютава передала сестре ложку, руки связали ей, и теперь у нее появилась

возможность поговорить.

– Чего я хочу? – Доброслав, налегая на уху, бросил на нее вопросительный взгляд поверх ложки.

– Зачем нас увез?

– В Гостилов доставлю, к отцу.

– А там?

– А как за вами приедут, велю сперва войско собрать и с нами на хазар идти.

– Велю! – повторила Лютава. – Не рано ли ты угренским князьям приказывать начал?

– В самый раз! – решительно ответил Доброслав, но Лютава видела, что он как раз в этом сомневается. – Твоя мать была из вятичей, а родне помочь не хотите! Да теперь, как смолянский князь помер, вам по старому ряду не жить.

– У вашего стремени нам теперь ездить! – издевательски пробормотала Молинка, дую на горячую уху в ложку. Даже в таком невеселом положении она была не прочь поесть. – Сейчас, только онучи перемотаем!

– Да! – сердито подтвердил княжич. – И у стремени! Не хотите по-доброму – мы с вами по-иному поговорим.

Лютава молчала: ей надоела пустая перепалка. Сейчас, когда смолянский князь умер, а новая княгиня не дает о себе знать и старые уставы нарушены, Доброслав решил попробовать перетянуть угрян на свою сторону силой.

После еды, когда отроки спешно обмыли котел, а кострище прикрыли дерном, дружина Доброслава снова погрузилась в лодьи и продолжила путь. На этот раз пленницам связали ноги, оставив руки свободными, но что они могли сделать посреди реки? Сидя на корме, Лютава постоянно видела в локте от себя двух угрюмых отроков-гребцов. Вздумаешь шалить – так и огреют веслом по голове.

Как-то один ей подмигнул. Она отвернулась.

Плыли весь день. Миновали несколько весей, но на берег не выходили: Доброслав не рисковал общаться с данниками Вершины, хотя здесь жили в основном вятичские роды, пришедшие с Оки, да и едва ли в такой отдаленности от Ратиславля княжеских дочерей кто-то знал в лицо. Тем не менее, когда впереди опять показывались серые крыши на высоком берегу, девушек накрывали суконными свитами, так что их не только узнать, но и увидеть было нельзя.

Еще до сумерек приблизились к устью Угры. Миновали старый голядский городец Ильган: его разорил дед Братомер, воюя с непокорной голядью. Городец так и пустовал, площадка и оплывшие валы со сгоревшим частоколом зарастали кустами, хотя угрян вокруг жило немало и в ближнем же селище у бабы Темяны имелась родня.

Впереди лежала Ока, владения вятичей. Про Оку с ее многочисленными притоками и загадка есть: у каких семи матерей одна дочь и та своих матерей старше? Когда лодья выходила из Угры, Лютава быстро приподнялась, перевесилась через борт и опустила руку в воду. Кто-то из гребцов выронил весло, вскочил, схватил ее за плечи, дернул назад, бросил на дно – но она успела ощутить на ладони скольжение прохладных струй. Словно руку подала на прощание.

Но вот лодьи вышли в Оку, которая в этих краях поворачивала с полудня на восток. Путь лежал в верховья, приходилось двигаться против течения, и продвижение замедлилось. Лютава прислушивалась: в Оке правила другая хозяйка, с иным нравом. Несмотря на опыт хождения в Навь, Лютаве было тревожно, неудобно, даже страшновато. Впервые в жизни она

покинула пределы угренских земель. И хотя она, дочь князя, в доме которого гостили купцы и воины, побывавшие в далеких странах, не думала, как жители глухих весей, будто за нашей рекой весь белый свет кончается, все же и для нее на чужой реке начинался несколько иной белый свет.

На этот раз в сумерках пристали к берегу и начали устраиваться на ночлег. Для девушек даже наломали лапника, накрыли его травой, отроки одолжили им теплые шерстяные сукманы, но руки обеим после ужина снова связали. В течение всей ночи отроки сторожили их, сменяя друг друга.

Сон не шел. Думая о своем положении, Лютава чувствовала гнев и негодование. Она тоже понимала, что означает для племени угрян их с Молинкой похищение. Или Ратиславичи попытаются вернуть их и отомстить – тогда ее близкие родичи, отец, братья и прочие, пойдут в бой, из которого многие не вернуться. А если князь предпочтет переговоры – ей придется навсегда остаться среди вятичей и назвать своим мужем кого-то из рода князя Святомера. И что тогда станет с ее зарокотом? К тому же угряне будут обязаны дать-таки дружину для хазарской войны. Короче, все было плохо, и Лютава не шутя раздумывала, как бы побыстрее вырваться из рук вятичей. Но и те понимали, как много дает им обладание Вершиниными дочерьми, поэтому не спускали с них глаз.

К следующему вечеру миновали устье Жиздры. Хоть одно в этом подневольном путешествии было хорошо: впервые в жизни Лютава увидела край, из которого была родом ее мать, и теперь озиралась с живым и даже трепетным любопытством, будто надеялась обнаружить здесь какой-то ее след.

Она не видела свою мать уже шесть лет. Но княгиня Велезора не умерла – по крайней мере, об этом никто не знал. Однажды осенью, как раз после того как Лютава водворилась на Волчьем острове, она просто исчезла из Ратиславля. Князь Вершина искал ее и выждал год, прежде чем склонился на уговоры родичей посватать другую жену. Ему хватило бы и Замили, но без княгини нельзя.

А они с Лютомером все эти годы, подрастая и обучаясь, снова и снова исследовали незримые тропы Нави, отыскивая след своей матери. И не могли найти ее: ни среди живых, ни среди мертвых.

Ночевали на этот раз под крышей – Доброслав выбрал большую весь, дворов из десяти, и велел пристать к берегу. В верхнем течении Оки вятичи обитали уже несколько веков, расселившись по верхним ее притокам: Жиздре, Зуше, Упе, Осетру. Пытались двигаться понемногу на северные притоки, Нару и Протву, но там голядь крепко держала свои земли и вытесняла чужаков. Но здесь, между верховьями Оки и Дона, вятичи во множестве разбросали свои селища: укреплений не строили, свободно располагали дворы над пологими склонами речных долин, заселяли мелкие лесные речки, а на старых, от голяди оставшихся городищах собирались на вече и священные празднества. Жили в срубных полуземлянках, где в северном углу сидела выложенная из камня и подмазанная глиной печь.

Еще не темнело, но Доброславовы отроки устали, весь день налегая на весла. Здешние жители принимали гостиловского княжича с уважением и некоторой тревогой. Все знали, что он ездил к смолянскому князю просить войска, и то, что он возвращался в сопровождении только собственной дружины, не слишком обнадеживало.

В этой веси Доброслав выменял для пленниц по резному гребешку, по полотенцу, чтобы хоть было чем вытереть лицо после умывания, по ложке – хлебать уху на привалах, и по теплой шерстяной свите, хоть и поношенной. Все эти приношения обе девушки приняли с

удовлетворением: до Гостилова путь еще лежал неблизкий, а им, судя по всему, придется проделать его до конца. Если их не догнали и не отбили на Угре, то на подготовку войны в чужой земле Ратиславичам потребуется время.

Доброслав, видимо, угадал, что о побеге его заложницы не думают, поэтому сам немного успокоился и после второго ночлега уже не приказывал связывать их ни днем во время пути, ни даже ночью.

До Гостилова на Упе, где жил старший вятичский князь Святомер, оставалось два перехода. Селище для ночлега попало несчастливое: две зимы назад сюда заходила неведомая хворь, и теперь две избы из пяти стояли пустыми. Местный старейшина предложил княжичу устраиваться в которой пожелают, и Доброслав занял обе. Чтобы не дымить в избе, отроки разложили во дворе костер, варили похлебку в большом котле: в него пошла и рыба, выловленная по пути, и две утки, подстреленные в камышах на мелководье Селяшкой и Чичерой – младшими братьями Доброслава, и горсть ранних грибов, которыми угостили гостеприимные хозяева. Ничего больше они дать не могли, поскольку и сами исхудали, на грибах, рыбе и травах дотягивая до нового урожая.

Лютава и Молинка, пока похлебка варилась, обсуждали с зашедшей большухой возможность истопить баню – после долгой дороги под солнцем им хотелось и помыться, и прополоскать сорочки. Вдруг откуда-то сверху долетел протяжный крик; приземистый круглолицый Чичера, мешавший в котле, от неожиданности выронил ложку. Все замолчали и подняли головы.

А Доброслав переменялся в лице, вскочил и бросился к реке.

Над Окой и оврагом, вдоль которого вытянулось селище, кружил лебедь – крупный, белый. Завидев людей, он не умчался прочь, а снизился, описал еще один круг над крышами и снова закричал.

– Ой! – отчетливо услышала Лютава за спиной голос Селяши. Это был родной брат Доброслава, отрок моложе его лет на десять, но очень похожий лицом.

Доброслав, придерживая шапку, не отрываясь следил за лебедем. Белая птица Лады описала над головами еще один круг и скрылась за рощей. Княжич проводил ее глазами, и на его лице отражались самые разнообразные чувства: волнение, тревога и тайная радость.

Лютава тоже не отводила от птицы глаз. Не оставляло ощущение, что перед ней не просто живое, а разумное существо. Или посланец богов, или...

На опушке мелькнуло что-то белое, и сразу подумалось, что лебедь, улетевший за лес, возвращается, только почему-то по земле. К тому же он заметно прибавил в росте...

Из-за деревьев вышла молодая женщина – высокая, стройная. Ее волосы прятались под простым повоем без рогатой кички – значит, у нее пока нет детей, – а рукава рубахи спускались до травы. Она была так хороша собой, что впору было усомниться, не звезда ли сошла с неба: белая кожа, правильные черты, яркие голубые глаза, тонко выписанные золотые брови. Лютава мельком подумала: не из солнечных ли дев, сотворенных из искр Сварогова горна для службы Дажьбогу? Уж верно, и солнце не отказалось бы от такой прислужницы: лицо ее сияло победным внутренним светом, выражая гордую уверенность и силу, ум, дружелюбие и даже нежность. Неудивительно, что у отроков, выбежавших из землянки на крик лебеда, при виде нее сделался ошарашенный вид.

Княжич Доброслав шагнул ей навстречу и поклонился.

– Здравствуй, матушка, – хрипло сказал он.

И потрясенная Лютава наконец сообразила, кто это может быть. Это Семислава, жена

оковского князя Святомера. Лютава даже вспомнила, как женщины в Ратиславле судачили о второй Святкиной женитьбе: дескать, поехал он к Будогостю, князю воронежских поборичей, сватать дочь того за своего старшего сына Доброслава, однако, увидев невесту, решил жениться на ней сам. Это было где-то за год до того, как Лютава ушла на Остров, но говорили об этом еще долго. Теперь стало ясно, отчего Святомер так потерял голову, что обидел родного сына. Если бы к этой деве, как в сказании, спустился свататься сам Дажьбог, никто бы не удивился.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Лада – здесь – хороводы под пение с припевом «ладу». Сохранилось выражение «ладой ходить» в значении «водить хороводы».

Принести девушке веретено – элемент старинного ухаживания.

Роман «Лесная невеста». (Прим. авт.)

Переконать – выиграть. От «кон», то есть жребий.

Из книги волхва Велеслава «Вещий Словник: Славления Родных Богов».

Клюки чаровные – колдовство. Клюка – хитрость, ср. «переключать» – «перехитрить». Слово же «хитрость» употреблялось в значении «колдовство», хитрец, хитр – колдун.

Покрытая голова и у женщин и у мужчин означала состояние в браке.